

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяца.

Предплата:
на годъ 3 зр. 60 к.
на полъ г. 1 зр. 80 к.
на кварталъ 90 кр.

Редакція и адми-
нистрація улица
Краковская ч. 19.

Неопечатанны ре-
кламаціи принима-
ются на почтѣ без-
платно, и увзглядя-
ются лишь до 14 дней.

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

НА-ПОТЕМКИ.

Очерки и образки изъ современной жизни.

Посвящается бл. д-ци I. O.

I.

Ручу, що Ты, любезный читателю, бачивъ на власнѣй очу вторую городскую, русскую „обѣтную“ церковь. Повторяю второй разъ и то съ протискомъ, на голосъ: ручу, щось ю бачивъ, еслись тѣлько, очевиста, бувъ коли хоть разъ во Львовѣ т. е. во Львовѣ самѣмъ, а не „На байкахъ“ або „На Рурахъ“. Ручу и готовъ навѣтъ заложитись! Скорше може свѣтъ комѣтъ головою, котрой немае, перевернутись, — скорше може Польша на земли воскреснути, скорше верблюду може черезъ ушко иглы перейти, нѣжь статись така невѣроятность, щобы бути во Львовѣ и небачити второй городской, русской, обѣтной церкви. Значило бы то само, що бути въ Римѣ а не видѣти папы римского! А чижъ таке можна допустити навѣтъ въ мысли?

Таже Римъ не бувъ бы Римомъ, не наживъ бы собѣ бувъ своей всесвѣтной, римской извѣстности, еслибъ въ нему не було папы римского, еслибъ папѣ римскому Римъ не бувъ постояннымъ мѣстцемъ перебуванья, столицею; — а папа римскій то така важна особа, така важна, що о ней знае и наибѣднѣйша, найтемиѣйша сельска наша дѣтина, котра, звѣтно, за державы вѣкопамятной и незабвенной галицкой рады шкѣльной съ ей „пionерами свѣтла науки“, съ *światłymi męczycielami*, не конче грѣшитъ избыткомъ знанія. Кожда сельска дѣтина скаже Вамъ бѣтразу, що Папа римскій, то видима голова католической, единоспасительной Церкви, то святѣйшій отецъ (NB. святѣйшій, у другихъ народѣвъ н. пр. хотя бы Поляковъ, онъ тѣлько святый, у насъ же, греко-католикѣвъ, второй степенъ: святѣйшій, но отъ чого?).

Если прото навѣтъ сельска дѣтина въ Галичинѣ знае, що въ Римѣ сидитъ папа римскій, чижъ возможно припустити, щобъ чоловікъ солидный, порядочный, съ живымъ интересомъ до житья дочестного и вѣчного и особенно до святой единоспасительной

церкви, — а о такихъ людяхъ я тѣлько тутъ и думаю и съ такими тѣлько хочу мати до дѣла, отрицаючись и отрешуючись лѣвою рукою отъ всѣхъ сретнѣковъ и шизматикѣвъ (прости Господи грѣха за погане слово), — пытаю отже, чи возможно, щобъ католикъ, будучи въ Римѣ, не побачивъ святѣйшого (отъ своего, полагаю) отця?! Онъ поиде, хотя бы до найскрытшого, найтемиѣйшого кутика Ватикана, а такой вышукаетъ, и на злѣсть всѣмъ злобникамъ поцѣлуе патрiнокъ, та ще и зложитъ св. Петровъ грѣшъ.

Если прото пословица „бути въ Римѣ, а не видѣти папы римского“ выражае рѣчь неправдоподобну, немислиму, невозможну; а я приложивъ ею выше до Львова и его второй городской церкви, то думаю, що Ты, любезная читателько, менѣ впростѣ повѣришь безъ дальшихъ доказѣвъ, що бути во Львовѣ а не видѣти *pleno titulo* второй городской, обѣтной русской церкви значить то само, що бути въ Римѣ а не видѣти папы римского, т. е. есть рѣчью не — возможною.

Та на бѣду, суть на свѣтѣ люди и людиска. Ти послѣдній именно суть дуже докучливѣй, упрямѣй и недовѣрчивѣй; они готовѣ такъ и бѣтразу закричати: се неправда, где доказы?

Для нихъ прото конче треба еще повысшее реченье мое доказати, готовѣ бо они сказати, що если въ початку повѣсти нема правды, то nebude ей и на концѣ, — та готовѣ и не читати.

Для спасенія душъ ихъ отъ невѣры, котора есть кардинальнымъ грѣхомъ и початкомъ всего зла, слѣдуе менѣ имъ пригадати, що 25. Ноября 1872 г. стбулося первое общее Собрание членѣвъ „Народного Дома“, и що на тѣмъ собранью по зрѣлѣй розвазѣ собранныхъ Отцѣвъ правосильно рѣшено, що необходимо треба побудовати церковь и то втору городску, обѣтну (въ память даной свободы).

Если отже необходимо церковь треба будовати, ну то значить то, що Львѣвъ, що Русь цѣла наша не може безъ церкви второй городской обѣтнѣе.

А если Львѣвъ, если даже Русь не можетъ безъ ней обѣтнѣе, то значить то, що на случай непостроенья ей, статись можетъ велике нещастье. А нещастье

таке и то найбільше булобъ, если бы провалился Львовъ въ бездну земску або, що найменше, прозавався „Казиміровомъ“, та еслибъ пропала, марно загинула наша св. Русь.

Для ратованья Львова передъ неминуемою погибелью, для обороны Руси передъ предчасною затратою, мусится будувати втора городека церковь.

Слѣдовательно якъ Римъ безъ папы римского, такъ Львовъ безъ второй городской церкви не може обійтися.

Еслижъ вже такъ дѣла стоять, то не заперечить менѣ певно никто, хотя бы якъ бувъ зъ натуры недовѣрчивый, що все дальшія премиссы що до Рима и папы зъ одной а Львова и второй городской церкви зъ другой стороны точно собѣ отповѣдають. Именно: що втора городека церковь славна дуже на весь мѣръ правдѣрный, о томъ може дати доказъ и сельска наша дѣтина, котра не разъ зъ коляды собранный грѣшъ жертвовала на ню, — що больше, церковь та така славна, що о ней знаютъ не тѣлько малі воробці но и значні галки зъ цѣлого Львова, бо вѣчно въ ней и о ней выкрикують по Львовѣ; — кромѣ того Львовъ самъ наживъ собѣ черезъ сохраненіе археологическихъ забытковъ, якими безперечно есть втора городекая церковь въ нынѣшнѣмъ видѣ, певну славу, котру смѣло „римскою“ можна назвати.

Дальше: много-вспоминаема церковь есть видима, навѣтъ въ очи впадающа.

(Того послѣднѣго не заперечить певно таки такий човѣкъъ якъ бл. г. управитель „Народного Дома“, которого вже отъ давна я сильно пѣдозрѣваю о невѣру въ видимѣсть головы церкви, все одно чи единоспасительной каеволической, чи второй городской.)

Стоить бо она при найбільше посѣщаемѣй улиці середъ самого мѣста, середъ столиці нашон галицкой Руси, а обдертыи, облупленыи стѣны звертають сами увагу всѣхъ переходящихъ, таки помимо ихъ воли.

Не треба ихъ отже навѣтъ такъ шукати якъ папу по Ватиканѣ. А впрочемъ интересу у каждого каеволика, особенно же гр. кае. Русна найдется, сподѣватися, на стѣлько, що бувши во Львовѣ та идучи по при „Народный Дѣмъ“ гляне на сосѣдній муръ храма Божого.

Якъ зъ того всего дуже ясно слѣдуе: межи Львовомъ а Римомъ, межи второю городской а папою — дуже велика аналогія. Рѣжняца хибань въ томъ, що папу дуже шанують, патинкують, и св. петрикують, — втору городеку же, кто хоче чи не хоче, жидь чи каеволикъ, ужасно зневажаютъ. Но, але то рѣчь пѣдрядна, въ головнѣмъ есть аналогія, и я бувъ совершенно правъ, еслимъ повыше высказавъ таке порѣвнанье, що бути во Львовѣ а не видѣти „второй городской“ есть то само, що бути въ Римѣ а не видѣти папы.

А еслись, многотерпѣливый читателю, разъ побачивъ вторую городскую, то я увѣренъ, що еи плѣняющій, великолѣпный образъ николи не вылетитъ Тобѣ зъ памяти, що я прото непотребую пѣдойматися геркулесового дѣла описуванья еи и що сама вепоминка на „втору городеку“ выстане, щобъ розбудити фантазію у тебе, пригадати величавѣсть и стройнѣсть того храма Божого.

Прямо напрѣтивъ него, на другѣмъ боцѣ улиці Скарбка... алежъ правда, не кождому читателеву случалось або и случитися вже коли бути во Львовѣ и видѣти „втору городеку“ такою, якою она красовалась до нынѣ. Звѣстно, часъ — змѣна!

Крути, верти, а отъ описа не вывинешся.

А безъ точного ознакомленья съ позиціею и конфигураціею той церкви менѣ совѣсть не позволяе дальше ити.

Га, най дѣтеся воля Божа!...

Ось и приступаю вже.

Пѣдъ самымъ бокомъ „Народного Дома“ а при улицяхъ Краковскѣй, Скарбковскѣй и Театральнѣй, стоять собѣ рудера, званніи згарищами академической библиотекы. Суть то муръ, похожий на каменіцу о чтырохъ може поверхахъ, навѣтъ пѣдъ дахомъ зъ гонтѣ.

Вхѣдъ по камѣнныхъ сходахъ отъ Краковской улиці т. е. отъ веходу, еще найпараднѣйшій. Фасада до самой горы сильна, крѣпка, еще наилучше удержавшася; творить она надъ притворомъ зданіе широке, якъ и цѣлый будынокъ, а отвѣтне на таку звѣняцію, въ котрой безпечно помѣститися той великанскій звѣтъ, що то сотнарами на него русскій народъ отъ 25 лѣтъ, мѣдъ и серебро складаетъ.

На фронтѣ томъ, кромѣ широкой браны, закрашенои жовто-черною, австрійскою барвою, видно еще ъсемь ъконъ, — а то три великіи на горѣ, середне зъ нихъ найбільше акрѣпко забите тертицами, пѣдъ ними три меншіи, а знова пѣдъ тыми два по бокамъ браны, сейчасъ коло котрой выстають зъ стѣны по два дорійско іонскіи стовпы съ камѣнными здоровыми капитлями и зимсами.

Цѣлый той передъ еще яко тако держитися, зеленявообѣлая тинктура сидитъ еще на стѣнѣ, но дальше!.. По одной и другой сторонѣ, зъ пѣвночи и полудня, кромѣ задымленныхъ ъконъ въ дѣвѣнѣнціи есть три ряды въ гору по три ъконъ: горѣшній рядъ великихъ ъконъ затканый дошками, въ обохъ же низшихъ суть тѣлько желѣзные краты и деревянные рамы, та бѣда, що тѣлько, якъ въ тамтыхъ фронтальныхъ долѣшнихъ, съ тлѣнными, щербатыми останками склянныхъ шибѣ; — тинктура отъ дошѣвки, прямо зъ даху зкапующон, пообѣщалась скрѣзь, — свѣтятся тѣлько целы, та и тѣи облѣтають, даючи желанный пристанокъ для стай галокъ, котры выховуются по тыхъ случайныхъ дѣрахъ въ мурѣ дѣйстно

єсть такимъ комфортомъ и смѣлостью, яку межи птицями тѣлько у голубѣвъ можь побачити, що то выводятся по дѣрахъ голубника, умисне для нихъ где на сельскѣмъ обытѣю выставленого и ладно приготовленого. Отъ заходу т. е. тамъ где мае бути оltарь еще добудованый, стѣна вертикальна и червона, цеглянна єсть соткою може дѣрѣ, єсть пташими гнѣздами. Колись, за бл. п. небѣжки мачохи нашої, Польщи (sit ei terra levis!) муры тѣи переживали з о л о т у свою эпоху, они были хорошимъ будынкомъ. Костель оо. Тринитарѣвъ бувъ окрасою Львова. Та и пѣзнѣйше, за владнѣя австрійского, муры тѣи яко академическа библіотека, кажуть, подобали еще „на людей;“ но єсть 49 г. скѣнчилась ихъ и та друга, єрѣвна эпоха: Настала третя, теперѣшня, цеглянна: И ось стоять они старѣ, зубомъ вѣка надскаленѣ, окопченѣ, доломъ страшно занечищуванѣ, — стоять, казавбысь хмурно, заздѣсно поглядають на своихъ элегантнхъ сосѣдѣвъ, та терпѣливо зносять у долу зневаги христѣянѣ и жидѣвъ и гостинно принимаютъ въ верху стан чорноперыхъ крикливыхъ галокъ. Загнѣздилась въ нихъ галичь, бо галичане ихъ панами..

Єсть тамъ и кѣлька благодѣтелей—малыхъ яструбѣвъ, що то крикомъ своимъ рознолохують воробѣвъ.

Настає четверта эпоха. Именно: Вєлѣдствє рѣшеня свѣтлого „Совѣта управляющого русско-народного Института „Народный Дѣмъ“ зъ дня 18. марта 1876 Ч. 584/1875 а воплотившогося въ „Слово до русского народа по поводу строеня обѣтної церкви при „Народ. Домѣ“ во Львовѣ,“ — муры тѣи вступають въ четверту эпоху, — эпоху мученическу, бо будутъ ихъ перестроювати а притѣмъ и ихъ и себе и народъ правовѣрный мучити. Межи нами сказавши, эпоху ту пробовано вже и попередними лѣтами начати, бо якъ звѣстно, вже кѣлька лѣтъ, рѣкъ за рокомъ, въ Маѣ, посвящуютъ подвѣрье передъ оltаремъ, посвящуютъ вапно въ ямахъ и камѣнь, тамъ въ гомеопатичныхъ дозахъ наскладаный, закладають камѣнь угольный, но то все тѣлько такъ для себе и про себе; єсть Маємъ же 1876 г. мае начатись органична и энергична праця, котра за 10 лѣтъ, если кожда гр. каѣ. душа дасть по одному крайцару а. в. рѣчно, стане mit Sack und Pack готовою. Прото эпоху ту четверту назвати можна такожъ о б ѣ т о в а н о ю, понеже народу русскому обѣщано скѣнчити въ ней необходимо потрѣбную церковь.

Потѣмъ зъ ряду наступить пята эпоха и то обѣтної Церкви, а тогдѣ муры ея будутъ знова окрасою Львова. Буде опять золота эпоха.

Тутъ однакъ не могу не высказати моего дивного причутья, наповняющого душу мою и сердце мое глубокою печалью. Причутьє то однакъ не таке, якъ оно буває у женщинѣ (я и не женщина), невытолковане, необьясниме, нѣ, сохрани Господи! противно оно основується на историческѣмъ порѣвнанью.

Прошу тѣлько помѣрковати: на четыре першіи эпохи тѣлько въ 1-шѣй „золотѣй“ муры Церкви были окрасою Львова, а була тогдѣ Польща. Если прото муры второй городской зновъ стануться окрасою Львова, заходить правдоподобна обава, що буде зновъ Польща!.. Utinam falsus vates sim!

Одно тѣлько обстоятельство дає менѣ еще слабу надѣю и ляда якѣй спокѣй, а именно то, що мы, гр. кат. Русины, не конче бажаємъ собѣ возстановленя Польщи а слѣдовательно будемъ такъ робити, щобъ муры второй городской церкви не такъ скоро стались окрасою Львова, отже и возстановленє Польщи отложится до дальшихъ 100 лѣтъ — а до того часу може вже все Поляки постаються Турками, — ну, то и Польщи не буде.

Теперь, коли я увѣренъ, що всякѣй терпѣливый мѣй читатель знає вже хоть щось троха про вторую городскую „обѣтную“ церковь — бо, очевидно, опись повысша еще дуже недостаточна — могу ему смѣло сказати, що лѣтомъ 1873 г. прямо напротивъ тойже церкви, на улици Скарѣка, въ каменници пѣдъ Ч. 7. на долѣ, при брамѣ каменичной була выставка печатныхъ олѣйныхъ малѣванныхъ образѣвъ, и що одного хорошего пополудня дня — ей Богу, аккуратно даты не знаю, а чою не знаю, того не берусь казати — певно тѣлько що одного зъ первыхъ дней Іюня стояла собѣ передъ выставкою купка людей и привидялась образамъ а улицею ишовъ якѣйсь чужесторонецъ. Сейчасъ пѣзнати чужесторонця, бо хотя ѣнъ одѣтый въ наймоднѣйше одѣнє кибица, хотя на нему нѣ одного порошка нѣ пылу, но ѣнъ станувъ на тротуарѣ и удивленнымъ окомъ поглядавъ на историческіи муры многоописаной церкви, на еще историчнѣйше болото и нечистоту у долу, та на мизерну табличку єсть надписью „Warnung. Przestroga,“ висячую на пѣвнѣйшѣй сторонѣ, саме надъ наибѣльшимъ болотомъ. Мимомоходомъ сказавши, въ цѣлѣмъ середмѣстью не найдете нигде такого плюгавства, навѣтъ середъ найсухшого лѣта, якъ власне въ тѣмъ мѣсци, пѣдъ мурами згарещь академической библіотеки, пѣдъ самою табличкою „Warnung. Przestroga“. Львовяне давно освоились єсть тымъ видомъ и момоидутъ незвертаючи наименьшой уваги, но око чужого сейчасъ запримѣтитъ контрасть середъ стрѣйныхъ каменницъ середмѣстья.

„Warnung. Przestroga!“ Досадно, ей Богу, досадно! Русины такѣ великѣ поклонники арт. 19. основного закона державного зъ дня 21 Декабря 1867 Ч. 142 В. З. Д., о котрѣмъ скрѣзь и всюду велегласно говорятъ, а сами его не выконують. Прото въ цѣли выконаня рѣвноуправненя народностей ставляю наглядное внесєніє:

„Свѣт. Совѣтъ „Нар. Дома“ изволить безпрочно еще въ цеглянной эпосѣ второй городской церкви и то безъ дебаты рѣшити: §. 1. Поручается

Н. Н. (имярекъ) заняться выготовленьемъ двухъ табличокъ, и то бляшаныхъ або деревяныхъ (що дорожше), черныхъ, съ бѣлыми написями, одной по русски другой по жидѣвски съ точнымъ, дословнымъ переводомъ тамтои на сѣверной сторонѣ „второй городской“ висящей таблички „Warning. Przejście.“ §. 2 поручается Х. У. (имярекъ) заняться прибитьемъ такъ (§. 1) verfassungsmässig выготовленныхъ табличокъ и то такимъ образомъ: щобы русская табличка пришла по правомъ, а жидѣвская по лѣвомъ боцѣ давной таблички. §. 3. Корректур русскои таблички поручается г. управителю, до корректуры же жидѣвской належить возвати профессора жидѣвского языка при израильской школѣ здѣ, яко знатока. §. 4. Предварительно ассигнуется на то зъ кассы „Нар. Дома,“ 10 злр. а. в.

На узасадненья того мого внесенья скажу коротко, що совершенный такій коменюшъ не только що съ всякою вѣроятностью запобѣжитъ дальшому занечищованью того мѣсяца черезъ евреевъ и русинѣвъ, но таки принесе для Руси о много бѣльшу, дальше сягающую пользу, именно: вые. Правительство наглядно пересвѣдчится о насъ, що мы о себе дбаемъ и помянутый арт. 19. глубоко почитаемъ и фактично выконуемъ, а затѣмъ возьме насъ сильно и всюду въ оборону, а навѣтъ предложитъ на слѣдующомъ засѣданью думы державной законъ, наказующій питомцамъ русскихъ буревъ ходити только до русской гимназии.

Но до рѣчи! Гдесъ чоловікъ набравъ той гидкон натуры, вѣчно отбѣгати отъ рѣчи. Простѣтъ еще хоть сего разу и Ты, миленькая читательнице и Ты, поважный читателю. Въ будуще хочу всѣхъ усилий прикладати, щобы позбутися той бридкой навычки. Вертаю отже до контраста мурѣвъ второй городской и еи стройныхъ сосѣдѣвъ. (Прод. слѣд.)

ИЗЪ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.*)

Въ Галичинѣ много спорили объ отношеніи галицкой литературы къ „русской,“ „великорусской“ и т. п. Теперь почти всѣ здравомыслящіе люди соглашаются въ томъ, что споры эти были бесплодны. А бесплодны были они потому, что не сопровождались фактическимъ знакомствомъ съ литературою въ Россіи. А знакомство это необходимо, какъ для рѣшенія вопроса, такъ долго волновавшаго Галичнину, для ознакомленія съ сосѣдней и во всякомъ разѣ соплеменной страной, такъ и для самаго литературнаго воспитанія Галичины. Въ особенности въ Россіи заслуживаетъ внима-

*) Въ перепискѣ 5. числа замѣтили мы, що станемо помѣщати въ „Друзь“ и статьи великорусскіи. Зачинаючи беллетристику „отравленнымъ дякономъ“, хочемо познакомити нашу публику, кромѣ житія, и съ рѣчью великорусскою, котра выйде живою, плавною и звучною только изъ подъ пера того, кто зрѣлъ на Великоруси, чулъ тоту мову и перенялся нею. Надѣслане до насъ передне слѣдце до рубрики „Изъ русской общественной жизни“ помѣщаемо такожъ въ оригиналѣ, а потому подбирати будемо подъ ню рядъ повѣстей про житие въ Россіи — Ред.

нія новѣйшая беллетристика. Во первыхъ послѣ Гоголя беллетристика эта стала „живописью быта,“ а потому какъ въ зеркалѣ отражаетъ жизнь общества и народа въ Россіи, а во вторыхъ такъ какъ въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія политической свободы, выраженіе многихъ идей другимъ путемъ, посредствомъ не только публицистики, но даже и науки, часто бываетъ не возможно, — и въ беллетристикѣ и въ критикѣ ея можно слѣдить за идеями, занимающими въ данное время общество. Въ третихъ, образованные классы въ Россіи вслѣдствіе космополитического воспитанія, знанія иностранныхъ языковъ и большихъ средствъ редакцій литературныхъ журналовъ, печатающихъ иногда лучшіе новые романы въ переводахъ съ рукописи, — близко и разносторонне ознакомлены съ манерою лучшихъ мастеровъ беллетристики въ передовыхъ странахъ европейскихъ: Англіи и Франціи, которыхъ передовая беллетристика тѣмъ болѣе находить себѣ сочувствія въ Россіи, что реализмъ новѣйшей европейской беллетристики вполне отвѣчаетъ послѣ-гоголевскимъ вкусамъ русской публики.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы думаемъ, что беллетристика русская можетъ не только возбуждать интересъ въ Галичинѣ, но и дѣйствовать здѣсь на воспитаніе литературнаго вкуса въ духѣ новоевропейскомъ: реализма, который неизбежно ведетъ за собою и оригинальность и народность.

Мы осмѣливаемъ рекомендовать вниманію галицко-русской публики двѣ картинки изъ жизни общества въ Россіи, — два расказа, напечатанные въ прошломъ году въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Вѣстникѣ Европы,“ которымъ автора дали скромныя названія: „Изъ памятной книжки“ Г. Иванова и изъ „Альбома“ Вс. Крестовскаго (псевдонимъ). Нѣкоторый анализъ обѣихъ повѣстей и тѣхъ формъ общественной жизни, какія въ нихъ представлены, а также указаніе разницы талантовъ и манеры обѣихъ писателей, мы позволимъ себѣ сдѣлать въ серединѣ между одной и другой.

М. Д.

ОТРАВЛЕННЫЙ ДЯКОНЪ.

Изъ памятной книжки Г. Иванова¹⁾

I.

Глухой городокъ.

...Лѣтніе мѣсяцы прошлаго года мнѣ пришлось провести въ одномъ маленькомъ уездномъ городкѣ средней полосы Россіи. Жилъ я у моего стараго знакомаго, занимавшаго въ этомъ городкѣ должность уезднаго врача... Скучное было это житье... Еслибы не частыя поѣздки въ уездъ, которыя моему приятелю по обязанностямъ службы приходилось дѣлать чуть не каждую недѣлю, поѣздки, въ которыхъ и я принималъ постоянное участіе въ качествѣ простого наблюдателя — я не знаю, помянулъ ли бы я добромъ эти лѣтніе мѣсяцы, проведенные въ „гостяхъ у друга“.

Городокъ принадлежалъ къ числу самыхъ заброшенныхъ, самыхъ бѣдныхъ и глухихъ провинціальныхъ угловъ, въ которомъ, кромѣ всѣхъ видовъ бѣдности и всѣхъ видовъ неразлучнаго съ

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1875; Сентябрь.

бѣдностію невѣжества — то забитаго, робкаго, безпомощнаго, то самодовольнаго и, поэтому, еще болѣе, чѣмъ другіе сорта, отвратительнаго — помимо всего этого, хорошо и давно знакомаго всѣмъ знающимъ русскія захолустья, городокъ этотъ поражалъ всякаго, даже посторонняго зрителя, и поражалъ очень неприятно, явными признаками вымирания тѣхъ ничтожныхъ крупицъ жизненной силы, которая, въ прежнее время, давала ему хоть и „кой-какую“, но все-таки, „возможность существовать, жить, имѣть хоть и крошечныя, но все-таки, дѣйствительныя цѣли, побуждавшія его, перебиваясь изо дня въ день, надѣяться на что-то въ будущемъ“... Новыя времена сразу убили эти крошечныя цѣли существованія, оставили городокъ внѣ круга желѣзныхъ дорогъ, а, слѣдовательно и, внѣ принесенныхъ ими денегъ, внѣ новыхъ родовъ заработка, новыхъ пунктовъ труда. Инстинктивное сознание собственнаго всегдашняго безсилія подсказало городку, что ни этимъ новымъ дорогамъ, ни этимъ новымъ деньгамъ и заработкамъ не зачѣмъ и никогда не придется идти въ этакую глушь, и, вслѣдствіе этого сознанія, все, что было побойчѣй, помоложе, ушло изъ города, покинувъ свои дѣдовскіе, почернѣлые, съ переломленной пополамъ высокой гнилой крышей дома, и оставило въ нихъ доживать свой вѣкъ тѣхъ, кто не умѣлъ жить и наживать деньги „по новому“, кто отчаялся и махнулъ рукой...

Городокъ подгнивалъ, разваливался, заколачивалъ гнилыми досками гнилыя окна и двери опустѣвшихъ домовъ и лавокъ, и безпрестанно, ежеминутно ропталъ, ропталъ на бѣдность, на то, что нечѣмъ оплатить патента, что вонъ еще идутъ какія-то права, за которыя „опять же отдай!“, что не только отдавать и получать новыя права, а и кормиться не начто, что торговли нѣтъ никакой, что хорошо бы было, ежели бы Господь призвалъ къ себѣ и успокоилъ... Эти жалобы и причитанья слышались всегда и повсюду: причиталъ лавочникъ, продавая захожему солдату пучекъ махорки, причиталъ за стойкой кабачникъ, наливая проѣзжему мужичку стаканчикъ вина, прочитала торговка рубцами и печёнкой, сидя на горячемъ горшкѣ съ своимъ товаромъ и чувствуя, что скоро совсѣмъ переведется на бѣломъ свѣтѣ всякій покупатель... Словомъ, гдѣ бы ни находился уездный человекъ, что бы онъ ни дѣлалъ, стоялъ ли за прилавкомъ, или такъ дома сидѣлъ на крылечкѣ, передъ отходомъ ко сну — онъ постоянно ропталъ, причиталъ и постоянно приходилъ къ той мысли, что ему осталось одно — съ миромъ принять праведную кончину. Такого рода уныніе проникло всюду, гдѣ прежде было относительное довольство, гдѣ по воскресеньямъ дымился пирогъ и гдѣ всегда нашлась бы новая чуйка или шалеый платокъ, чтобы пройд-

тись къ обѣдни или погулять... Что же сказать объ уныніи того уезднаго люда, у котораго никогда, отъ сотворенія міра, не было ни прилавка, ни пирога, ни чуйки и который всегда жилъ кое-какъ и кой-чѣмъ? Существованіе этого народа въ данную минуту было поистинѣ фантастическое. Ниже-слѣдующій разговоръ, который однажды пришлось вести мнѣ съ толпою этого уезднаго люда, дастъ читателю, я полагаю, нѣкоторое понятіе объ этомъ сказочномъ существованіи.

— Какъ же вы живете-то? спрашивалъ я.

— Да Богъ ее знаетъ какъ! отвѣчали мнѣ.

— Да какъ-же именно?

— Да такъ вотъ именно, что кое-какъ...

— Толчешься будто вокругъ пустаго мѣста, объяснялъ болѣе обстоятельно понимавшій дѣло житель: — ну, ан-но, бытто и пропитываемся, вродѣ какъ пропитаніе!...

— Покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, то и живи! объяснилъ другой, болѣе скромно глядѣвшій на дѣло обыватель.

И должно быть, объясненіе это было очень вѣрное и правильное, потому что тотчасъ, какъ только было произнесено слово „Богъ“, въ толпѣ обывателей произошло значительное оживленіе.

— Да что-жъ ты думаешь? заговорило сразу нѣсколько человекъ: — тутъ только и есть, что Господь явно не покидаетъ...

— Явно!... подтвердилъ хоръ.

— Послушайтеко-сь, православныя, живо заговаривалъ одинъ изъ этого хора: — что было со мной!... Пришло мнѣ дѣло такъ, что ложись да помирай... Покуда у Пастуховыхъ дѣло шло, все ничего, жили кое-какъ, а какъ пошло у нихъ на разладку, хоть вотъ, говорю, иди да топись... Бился-бился, туда-сюда, нѣтъ!.. Пришло помирать голодной смертию... Выскочилъ я, не помню, и что и куда, выскочилъ я такъ-то изъ хибирки-то, самъ не знаю, не то топиться, но то давиться, хватъ...

Всѣ притихли, потому что это „хватъ“ было произнесено удивительно весело и очевидно предвѣщало какое-то удивительное проявленіе Божія милосердія.

— Хватъ, братцы мои, а какъ есть передо мной на снѣгу два зайца сидятъ...

— То-то чудеса то!..

— Божіе произволеніе... Господь батюшка.

— Два?

— Какъ есть, братцы мои, два зайца, и сидятъ рядышкомъ, не шелохнутся...

— Истинно Божее, напимьрь, указаніе.

— Ты вотъ что разсуди, отчего они не шелохнутся-то, кто ихъ держать то, словно мнѣ по-

даетъ, „на, молъ, Кузнецовъ, возьми ихъ!“ ты вотъ что разкуси!..

Многіе вздохнули: такъ было ясно всѣмъ, что тутъ былъ Богъ.

— Ну я ихъ сгрѣбъ конечно, закончилъ разсказчикъ, когда всеобщее умиленіе нѣсколько ослабло: — и сволокъ къ исправнику, за полтинникъ... Ну, и перебился.

Немедленно со всѣхъ сторонъ послышалось желаніе подтвердить собственнымъ опытомъ эту явную заботу Провидѣнія о бѣдномъ народѣ. Очевидно, со всякимъ былъ такой или подобный этому случай, но изъ массы начавшихся разсказовъ, всѣхъ заинтересовалъ одинъ, въ которомъ всѣ были поражены очень трогательнымъ окончаніемъ. Уездный житель, съ которымъ приключилось это трогательное событіе, тоже, какъ и первый разсказчикъ, прежде жилъ „вокругъ“ купцовъ Пастуховыхъ, а какъ пошли они на разладку, „стало ему такъ, что помирай!“ Хотѣлъ онъ такъ-то разъ топиться или давиться, хорошенько онъ этого не помнитъ, и самъ не знаетъ, зачѣмъ пробѣжалъ къ рѣкѣ... И только-было хотѣлъ бухнуть въ воду, вдругъ что-то подъ нимъ заорало благимъ матомъ.

— Гляжу, братцы мои, гусь, зда-ар-раве-енный — прездаравенный, дикій гусь!

Сдержанный гулъ пріятнаго изумленія пронесся между слушателями.

— Фунтовъ отъ пятнадцати, отъ двѣнадцати, братцы мои, какимъ-то жирнымъ басомъ продолжалъ разсказчикъ: — эдакимъ вотъ манеромъ, чисто какъ окорокъ... Одно слово, вѣрный цѣлковый!.. Отдавилъ я ему ногу и крыло, глянувъ такъ-то, вижу, рубъ серебра, не ближе Господь мнѣ послалъ.

— Пятнадцать фунтовъ?.. Цѣлковый смѣло!

— Дикій гусь завсегда рубъ.

— Цѣна извѣстная!..

— И что же апосля этого случилось, братцы вы мои! жалобно возгласилъ разсказчикъ и остановился. Въ публикѣ почувствовалась ясно видимая тревога насчетъ этого рубля, посланнаго Богомъ въ видъ гуся.

Всѣ примолкли.

— Поволокъ я его на базаръ, жалобно продолжалъ разсказчикъ: — хоть бы тѣ вотъ одна душа!.. Ходилъ-ходилъ, братцы мои, нѣтъ никого да и шабашъ!.. Я къ исправнику, не взялъ... я къ лекарю — нѣтъ дома... Я туда, я сюда, хоть вотъ ложись да помирай; то дома нѣтъ, то „не надо“... Что-жъ ты думаешь?

Последняя фраза была произнесена такимъ отрывистымъ тономъ и съ такимъ рѣшительнымъ ужасомъ въ чертахъ лица разсказчика, что всѣ просто онемѣли, ожидая страшной развязки.

— Вѣдь такъ самъ и съѣлъ гуся-то!

Загудѣла и зачмокала толпа, сожалея.

— Такъ, братецъ ты мой, и слопалъ самъ!..

— Эко не поладилось какъ!..

— Эх-ма-хма-хма!.. Рубликъ то серебреца!..

— Такъ и сожралъ!.. подбавляя масла въ огонь, прибавилъ разсказчикъ.

— Эх-хе-хе.

— Да жирный, пострѣлъ, какой — страсть! Такъ у меня все нутро и переворачивалось. Какъ гляну на него, не идетъ въ горло, да и шабашъ!

— Эх-хе-хе-е!..

— Такъ вотъ всѣ внутренности и перевертываются, какъ гляну... Вотъ какое дѣло... Въ самую коронацію было, какъ теперъ помню, во какой, какъ поросенокъ!..

И т. д.

Словомъ, существованіе этого люда было, безъ всякаго преувеличенія, сказочное, фантастическое. „Какъ Богъ пошлетъ“ и „коли пошлетъ Богъ!“ вотъ что они по сущей справедливости могли объяснить въ разгадку этого существованія: вдругъ забѣжитъ чуть не въ сѣни волкъ; ну, убьютъ, сдерутъ шкуру: слава Богу это хорошо, Господь посылаетъ, а не забѣжитъ волкъ, или не наступишь случайно на гуся или не наткнешься какъ-нибудь купаясь, на шуку, не поймашь ее рукой за жабру, не продашь — тогда хоть ложись да помирай или такъ „кой-какъ“ толкись вокругъ пустова мѣста и т. д. Уныніе, предчувствіе, что все дѣло обывателей должно кончиться только могилой, сознаніе, что лучше всего махнуть рукой — такое утомительное и тяжелое состояніе духа, проникало всѣхъ и вся, пропитывало даже кажется самый воздухъ, которымъ дышала городокъ. Никто изъ скучавшихъ и изнывавшихъ обывателей не зналъ мутемъ, отчего это вдругъ не стало на свѣтъ житья; почти никто не могъ-бы объяснить этого, напримѣръ, помощью новыхъ путей и пунктовъ торговли, и т. д., всѣ только „чуяли“ свою погибель, и чуяли ее тѣмъ сильнѣе, что на глазахъ всѣхъ жителей совершался вѣявъ фактъ, для нихъ весьма знаменательный. Съ давнихъ, съ незапамятныхъ временъ, „всей округой“ владѣлъ и всѣ торговля и вообще всякія дѣла велъ старинный основательный домъ купцовъ Пастуховыхъ; и вотъ, въ настоящую минуту, этотъ то капиталъ домъ, эта древняя фамилія, которая составляла, можно сказать, всю денежную и всю дѣйствующую силу во всемъ уездѣ, фамилія, вокругъ которой пропитывались сотни уездной мелкоты, которая украшала храмы Божіи, которая уважалась въ губерніи, имѣла медали, и проч. и проч. и проч., — эта то фамилія, этотъ корень древа жизни несчастнаго узда, — явно, на глазахъ всѣхъ изводилась въ конецъ, вымирала... Божеское-ли

это было попушеніе. отзывались-ли этимъ изморомъ волку овечьи слезки, какъ думалъ иной злопамятной обыватель, или просто фамилія увидѣла, что въ нынѣшнее время не такъ и не съ такими капиталами орудуютъ люди, или просто, отъ слишкомъ долгаго и прочнаго благополучія, выродился въ ней всякій умъ и талантъ, или заѣла ее совѣсть, или все это вмѣстѣ осадило и одолѣло ее — только стали твориться въ ней недобрѣя дѣла, отъ которыхъ всѣмъ обывателямъ стало тяжело, уныло и тошно жить на свѣтѣ... Въ какію нибудь два года, съ Пастуховыми случилось множество бѣдъ. Во первыхъ, старшій братъ, бывшій по смерти родителя главою фирмы и державшій весь дѣла на должной высотѣ и въ строгомъ порядкѣ, вдругъ сталъ „задумываться, задумываться“ и сошелъ съ ума... Его отвезли въ сумасшедшій домъ въ Москву... После него осталось двое дѣтей, оба пожилые и холостые, но одинъ, горькій пьяница, босокомъ и въ рубищѣ бѣгаетъ по городу съ ругательствами на свою семью, а другой, какой-то полу-идіотъ, постоянно шатается по церквамъ и стоитъ гдѣ нибудь въ углу съ закрытыми глазами... Ихъ зналъ городъ и прежде, но почему-то не придавалъ значенія ни ругательствамъ пьянаго, ни богомолью трезваго; теперь же, когда вдругъ ни съ того ни съ другого, помѣшался, сошелъ съ ума, самый старшій братъ, глава фирмы, воротило, оба полу-идіота обратили на себя всеобщее вниманіе, и въ пьянствѣ оранъ одного, какъ и въ усердномъ богомольи другого стали видѣть и понимать предвѣстіе чего-то дурнаго... Дѣйствительно, едва успѣлъ заступитъ мѣсто старшаго брата средній, только что женившійся въ Москвѣ на богатой и засадившій своихъ идіотовъ племянниковъ по конурамъ, какъ вдругъ, молодая скончалась, неизвѣстно отъ какой болѣзни, скончалась вдругъ, не болѣвъ часа два-три... Тутъ ужъ на городъ нашолъ страхъ и уныніе, тѣмъ болѣе, что эти бѣды прямо отразились на торговыхъ оборотахъ. Они сразу уменьшились, упали: вдовецъ сталъ съ гора пьянствовать, дрался и бушевалъ и наконецъ, не такъ давно, найденъ въ банѣ съ перерѣзаннымъ горломъ: онъ самъ наложилъ на себя руки... Дѣла стали: прикащики крали и разбѣгались, ужасъ и страхъ напалъ на всѣхъ жителей. Домъ Пастуховыхъ стоялъ мертвый, какъ могила, съ запертыми заборами, съ запертыми воротами... Жители боялись пройти мимо этого дома ночью: многіе изъ нихъ слышали въ такую пору, какой-то жалобный стонъ, который будто-бы леталъ вокругъ дома... Главою фирмы и владѣтелемъ капиталовъ оставался младшій братъ, до такой степени напуганный предшествовавшими несчастіями, что только усилія мѣстнаго духовенства и исправника могли отговорить его отъ поступленія въ монашество... Худой, блѣдный, трепещущій чего-то и предчувствующій что-то не-

доброе, отправился онъ, вслѣдствіе всеобщаго настоянія жениться въ Москву... Но напуганные московскіе отцы и невѣсты отказывали ему, сторонились его, какъ чумы, и только съ ужасными усиліями, наконецъ, удалось ему выискать невѣсту въ Коломнѣ, въ бѣдной семьѣ (чего не бывало съ Пастуховыми), да и та повхала съ мужемъ словно на смерть, дрожа и заливаясь слезами...

Мнѣ пришлось быть въ городкѣ въ ту самую минуту, когда ждали родовъ этой жены послѣдняго представителя дома, ждали съ напряженнымъ вниманіемъ, чуя въ тоже время, что опять что-то случится нехорошее. Голоса и вой вокругъ дома Пастуховыхъ слышались все чаще и чаще... Идіотъ-пьяница, какъ на грѣхъ вырвался и бѣгалъ по городу, неистовствуя пуще прежняго. Это уныніе, этотъ страхъ, эти смерти, похороны, этотъ вой вокругъ дома, призывающій что-то недоброе, недоброе, о которомъ всѣ думаютъ и котораго всѣ ждутъ, до такой степени сильно повліяли, на меня, человека, повидимому, посторонняго, что въ короткое время пребыванія нервы мои сильно розстроились, и я, наряду со всѣми обывателями, сталъ чего-то бояться, чего-то съ тревогой ждать.

Ударъ соборнаго колокола, ударъ протяжный и унылый, однажды ночью, сразу далъ знать всему городку, что „оно“, это недоброе, — случилось...

— У Пастуховыхъ несчастіе! колотятъ съ улицы въ ставню нашей квартиры, что есть мочи, кричить перепуганный голосъ. Неблагополучно!.. Пожалуйте лекаря, скорѣя...

Кто? Съ кѣмъ... Господи помилуй!.. слышатеся ужъ голоса на улицѣ.

Но новый ударъ въ колоколъ мѣшалъ слышать отвѣтъ пастуховскаго посланнаго. Неслышно ничего кромѣ:

— Неблагополучно... Очень неопратно!..

— Господи помилуй! Помилуй насъ, царица небесная...

— Самъ или сама? Съ кѣмъ?..

Но опять нельзя разобрать, съ кѣмъ „неблагополучно“. Опять ударъ колокола, по покойникъ, и вѣтеръ, хлопающій ставней, и стукотня бѣгущихъ ногъ, и опять гдѣ-то, не то на дворъ, не то на улицѣ, шопотъ и причитанье:

— Господи помилуй! Господи помилуй!

— Согрѣшили, грѣшные, передъ престоломъ твоимъ, отче Макаріе.

— Оохъ-оохъ-оохъ...

И колоколъ, и вѣтеръ...

Такія сцены навѣрное бывали во дни паденія Новгорода и Пскова... Умирала и тамъ, и тутъ идея, державшая городъ и народъ...

Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ... Къ утру воротившійся докторъ объявилъ, что умерла молодая жена. Роды были какіе-то ужасные, что еще болѣе омрачило всеобщее состояніе духа. Носились слухи, что и самъ недолго выживетъ...

Начался похоронный звонъ, толки о панихидахъ, выносахъ... Мы уѣхали въ уѣздъ и только тамъ отдохнули отъ всего этого немного... Воротившись дня черезъ три, я нашолъ въ общественномъ состояніи духа сильный упадокъ... Покойницу похоронили съ честью, но ясно увидѣли, что дому Пастуховыхъ нечѣмъ держаться на свѣтъ... Видѣли, что тутъ совершается дѣло, которому не пособить никакими капиталами. Очевидно, „все пойдетъ прахомъ... Самъ бросилъ все дѣла и тоже сталъ задумываться. Наживетъ недолго; кому все это достанется? Приѣдутъ какіе нибудь московскіе ахачи-блинники изъ родни, заберутъ капиталъ, домъ отдадутъ подъ солдатъ, а не то оставятъ размыватъ дождямъ и развѣвать вѣтрамъ и снѣгамъ!“... И при этой мысли жалость обывателю щемила сердце. Пастуховы такъ давно властвовали надъ нимъ, такъ давно (какъ иногда осмѣливался болтать иной злой языкъ) грабили народъ и такъ долго и неизмѣнно хорошо все это сходило имъ съ рукъ, что горожане даже полюбили ловко обдѣлывавшій дѣла домъ, и имъ жалко было, если все это изведется прахомъ.

— Вотъ она жизнь-то человѣческая! Прахъ, тлѣнь... Все это носилось въ воздухъ, въ жизни городка — и все это дѣлало лѣтнее пребываніе мое здѣсь не особенно веселымъ...

Кромъ такого похороннаго настроенія, господствовавшего въ городкѣ, подъ самымъ бокомъ у насъ происходило ничто еще болѣе неприятное, чѣмъ это похоронное настроеніе. Мы жили въ домъ, который представлялъ собою тоже обреченное на гибель чиновничье гнѣздо, какъ на грѣхъ одаренное непомерно живучестью, волшебною жаждою куска и поставленное обстоятельствами также въ необходимость погибнуть изморемъ. Главою этого дома была какая-то старая отставная надворная совѣтница, госпожа Антонова; ей принадлежалъ домъ, ей принадлежали какія-то деньги, которыя она отдавала подъ проценты, и вотъ вокругъ этихъ процентовъ, вокругъ этой женщины, пропитанной насквозь запахомъ жирныхъ подачекъ, взятокъ вообще запахомъ какихъ-то денегъ, падающихъ съ неба, безъ трудовъ и хлопотъ, около этого центра, какъ около стараго гнилого вѣя, словно куча червей, копошилась тоже куча всякой родни, зятьевъ, свояковъ и проч. Это было дѣйствительно гнѣздо дѣйствительно животныхъ, кажется родившихся уже съ открытою, приготовившуюся глотать пастью. Никогда мнѣ не приходилось испытывать болѣе оттал-

кивающего, даже отвратительнаго впечатлѣнія отъ физиономій, какое внушали мнѣ физиономіи почти всѣхъ представителей этой семьи. Рѣдко, почти никогда нельзя чувствовать продолжительное отвращеніе даже къ самымъ непривлекательнымъ, къ самымъ неискреннимъ физиономіямъ; всегда, рано ли, поздно ли, вдругъ проглянетъ черта, которая объяснить сразу и неискренность, и отвратительность, и объяснить, какъ по крайней мѣрѣ знаю я, всегда въ лучшую, въ добрую сторону. Ничего подобнаго не удалось мнѣ примѣтить въ этомъ гнѣздѣ надворной совѣтницы; кромъ чего-то наглаго, плотояднаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, я никогда ничего не замѣчалъ ни въ одномъ изъ этихъ обитателей гнѣзда... Все это былъ здоровенный, плодущій народъ, съ лоснившимися, гладкими, какъ налима кожа, лицами, съ жадными масляными глазами, толстыми подбородками, и холоднымъ взглядомъ (большую частію у нихъ были черные глаза), который вдругъ дѣлался рабскимъ, сверкая радостію голодной собаки передъ кускомъ мяса, когда кто-нибудь изъ должниковъ приносилъ проценты или когда вообще гдѣ-нибудь близко пахло деньгами... Весь этотъ народъ, несмотря на то, что былъ молодъ, уже успѣлъ провороваться и быть подъ судомъ: такъ велика у нихъ была жажда глотать, и такъ они были приготовлены десятками лѣтъ подьячества... Почти мальчиками, не учась, они поступали на разныя должности и тотчасъ же принялись за свое дѣло. Но должно быть, они были слишкомъ щедро надѣлены инстинктами грабительства, или такъ же, какъ и Пастуховы, не знали „какъ это дѣлается“ въ нынѣшнее время, — только, проглотивъ по куску, тотчасъ же и попались... Тотъ слишкомъ поторопился запустить руку въ кассу на какой-то станціи желѣзной дороги, этотъ поддѣлалъ, да тоже „не какъ слѣдуетъ“, вексель, а тотъ прямо перекусилъ пополамъ какого-нибудь мужичонка, надъ которымъ ему была дана власть и котораго онъ долженъ бы былъ истощать медленно, какъ паукъ муху... Словомъ, всѣ они попались на первомъ же глоткѣ, и, имѣя понятіе о свойствахъ ихъ натуръ, потрудитесь, если можете, представить, что за зрѣлище представляло это семейство. Аппетитъ у нихъ былъ роздражонъ въ высшей степени; воспитаніе и среда развили его въ ужасныхъ размѣрахъ; тотъ маленькій кусокъ, который имъ удалось отвѣдать на своемъ вѣку, былъ хорошъ и манилъ, тянулъ отвѣдать еще, да и ко всему этому, самымъ раздражающимъ образомъ дѣйствовало на всѣхъ постоянное созерцаніе пахнувшей удачнымъ грабежомъ маменьки... Запахъ этотъ злилъ ихъ и ссорилъ между собою ежеминутно, и ежеминутно они боялись пикнуть, боялись громко сказать словечко, чтобы не потерять во мнѣніи главы этого клоповника, и шипѣли поэтому другъ на друга, какъ змии...

Имѣть за стѣной такое сосѣдство, знать, что тутъ, за вашей спиной, копошится что-то злое и жадное — ощущение было въ высшей степени неприятное и, вмѣстѣ съ унылымъ настроеніемъ духа всего городка, дѣлало пребываніе въ немъ далеко не лѣтнимъ отдохновеніемъ; повторяю, насъ спасали только повѣзки за городъ, въ деревню (объ этихъ повѣзкахъ будетъ рѣчь особо и подробно), послѣ которыхъ можно было на нѣкоторое время позабыть все скучныя и дрянныя мелочи, окружавшія насъ... Но и несмотря на эти повѣзки, я бы не могъ прожить здѣсь долго, если бы меня, въ этомъ самомъ отвратительномъ гнѣздѣ госпожи Антоновой, не заинтересовала одна личность, жизнь которой навела меня на нѣкоторыя, въ концѣ-концовъ, очень утѣшительныя, относительно повсюду свирѣпствующаго унынія, размышленія.

Съ этимъ субъектомъ я и познакомлю теперь читателя.

(Прод слѣд.)

Листы зъ Исландіи.

Новеля Г. Чокого.

Х.

(Продолж.) Людвикъ Гогенгаймъ былъ въ болѣе шбмъ хлопотѣ, якъ то собѣ сестра его представляла. Жаловалъ, що пріѣхалъ до столиці, а однакъ скорше згодилбся умерти, якъ теперь вернути назадъ на село до матери. Гѣрко нарѣкалъ на Отилію, а однакъ то та еи невѣрность не была му такъ прикрою. Пустился въ кругъ незнанныхъ му до теперь мечтъ и гадокъ. Отъ коли пѣзналъ Отилію, сердце его тѣлько для неи било, черезъ три роки осталь еи вѣрнымъ. Ахъ, не было то труднымъ, межи Финскими и Лявляндскими красавицами. А теперь, коли повернулъ до отчины, коли туй-туй малъ еѣ побачити — теперь отозвался въ души его якійсь желанія, що не давали му и хвильки супокою.

Старался розбѣрвати, — надармо читалъ найчувствительнѣйшіи листы Отиліи — звѣзда еи чимъ разъ бѣльше для него померкала, а друге свѣтило озоряло и управдало его внутреннимъ свѣтомъ. — Тереза отойшла до домашнихъ занятій. Онъ усеѣлъ на софѣ и заслонилъ лице руками. Здавало ся ему мовѣбы духъ Отиліи былъ коло него, повтарялъ еи слова: „охотно отрєклабимся всего на тѣмъ свѣтѣ, где все на то тѣлько здаеся существовати, щобы притягаючи мене къ собѣ и отррочуючи, ранити мое сердце!“

По хвили пригадалъ собѣ на листѣ дописователя зъ Грауенбурга. Почалъ го читати: ничъ не мѣстилъ въ собѣ цѣкавого. При кѣнци доперва была споминка о Отиліи. „Взглядомъ г. О. Вангенъ, маю честь завѣдомити Ваше Высокоблагородіе, що она не есть менѣ такъ добре знакомою. Якъ кажутъ,

належитъ она до женщинъ ученыхъ; Ваше Высокоблагородіе уже мене розумѣють. До теперъ остае она въ Липеку, у якогось своего сродника, бывшего полковника. За кѣлька недѣль прибуде она до столиці, где такожь мае сродникѣвъ. Не залишу Вашому Высокоблагородію въ коротцѣ докладнѣйшіи вѣсти подати“

Отже нема и слова о еи заручинахъ, о еи невѣрности! яка злослива тота Тереза.

„Она мене любить! она менѣ вѣрна! востхнулъ Теодоръ и повольнымъ крокомъ ходилъ по комнатахъ:

„Що хоче бнѣ черезъ то: „учена женщина“ сказати! Чижь женщина до того назначена, щобы была вѣчно тѣлько першою слугою дома? чижь годится сказати ей: до того степени вѣльно тобѣ образоватися, а дальше нѣтъ? Якъ назначеніемъ мущины есть не тѣлько, плугомъ або перомъ на хлѣбъ щоденный зарабатяти, такъ само и женщины не суджено быти вѣчно слугою або нянькою. Духъ женщины такъ само походить отъ Бога, якъ и духъ мущины — дрячогожь немалбыся пѣдносити, образовати, если чье до того силы? Нещастна Отилія! якъ тая бѣдна, осирочена цѣвка жеіе она межи осетами — людьми, забзнана процвитае она межи хвостомъ, котрый еѣ приглушуе.

Коли сумный Людвикъ въ подобный способъ дальше розбиралъ листъ дописователя съ Грауенбурга, вѣйшолъ въ комнату якійсь хлопецъ зъ малымъ пакетомъ.

„Малырь присылае портреты замовленіи черезъ паню совѣтникову,“ сказаль пѣсланецъ и отойшолъ.

Въ пакетѣ было кѣлька портретѣвъ. Насампередъ панѣ Сарѣ, чудно трафлена, полна души, плѣняючо-красна, якбы жива; потѣмъ Тереза, а на коонецъ, — здивовался — трясучися пѣднѣсь образъ до горы — очи его зайшли слезою — безсильный упалъ на софу а образъ дивнымъ случаемъ дѣткнулъ ся его горячимъ устѣ. Мимоволѣ уцѣловаль его. Самъ не зналъ, що робить — сердце его било такъ неспокоѣно, якъ при пополненіи якого злого дѣла. — Отилію! твѣй другъ уже колибаеся!

Въ тѣй хвили вѣйшла совѣтникова. Людвикъ не зналъ о тѣмъ, не чулъ того. Гадала, що спить — дѣткнулася зъ легка его рамени. Людвикъ встрясея. Она взяла лежачіи на столѣ два образы, и побачивши заклопотанный, розстроеныи видъ брата, спытала его, що ему?

— „Менѣ не добре!“ отповѣлъ неохотно.

— „Якъ то? тобѣ не добре, хотяи въ такъ краснѣмъ товариствѣ? Видѣлъ еси вже портреты?“

„Нѣтъ?“

— „Але гдежь еще одинъ? Где есть Фридолина Бернекъ? Чи може хлопецъ забулъ принести?“

„Отъ тутъ!“ сказаль зъ отверненою головою, отдаючи ей третій портретъ.

— Фридолина! якбы жива. Правду сказавши, то твоя тужлива жовтоволоса Отилія ані порівнати не дається съ Фридолиною!

Людвикъ збрався на рівні ноги. Тереза повзддержала его.

„Стій! я негадала такъ зле! Чижь уже не розумѣешь жаргтовъ? Заразь мене поцѣлуй на перепросины.

Перепросилися.

„Выбирай! сказала Тереза, тримаючи портретъ панѣ Сарѣ и Фридолины: Котру волишь?“

— Ні-котру смѣючись сказавъ Людвикъ и выбѣгъ зъ комнаты.

XI.

Вечеръ былъ чудный, червцевый, сонце клонилося уже къ западови. Людвикъ войшовши въ салонъ панѣ Сарѣ, заставъ тамъ уже численне товариство при чаю.

Бесѣдовано о всѣмъ, якъ то звичайно въ товариствахъ бывае. Людвикъ такожь бравъ участь въ загальній розмовѣ. Але поволи начала его веселѣть оставляти. Самъ не зналъ, для чого? але мы то знаемъ: Фридолины Бернекъ не было!

Никто того не спостерѣгъ, ажъ одинъ старшій гѣсть звернулъ на тое увагу.

„Гдежь она може быти? попыталь второй.

— Проходжуея въ огородѣ съ паномъ Тау! отповѣла панѣ Сарѣ.

„Дуже то милый, молодой чоловікъ!“ додала якась панѣ.

— Подорожи дуже корыстно вилынули на его образование, замѣтилъ старшій гѣсть. Попросѣтъ коли его, щобы оповѣлъ вамъ свои пригоды въ Парижу. Былъ онъ тамъ за часѣвъ Робеспіера. Былъ свѣдкомъ страченя Шарлоты Кордай. Слухаючи его оповѣданья не можъ ся втримати отъ жалю и тревоги.

„Якъ же онъ выражаея о Шарлотѣ Кордай? попытала якась блондина.

— Мейже зъ одушевленіемъ! И справдѣ еи мужество заслуге на то. Щобы спасти свою отчину отъ тирана, житѣ пожертвовала! Многі ганили той чинъ великодушной дѣвиці, але я гадаю, що цѣлый свѣтъ, цѣла людекѣть повинна еи имя уважати за святе! Старшій гѣсть неостережено самъ розгорячился. Его запалъ перейшовъ на цѣле товариство: повстала страшна опозиція, на чолѣ котрой станула панѣ Сарѣ. Цѣле товариство подѣлилося на два таборы, тѣлько Людвикъ не бравъ въ суперечцѣ участія. Стоялъ замуреный, руки на крестъ зложивши, и не чулъ ничего.

— „Отже съ паномъ Тау, тымъ милымъ, молодымъ чоловікомъ, проходжуея она? думаль онъ; а однакъ знала, що я прійду — сама еще менѣ пригадувала, щобымъ не забулъ прійти. И съ нимъ

ходить — а пѣдчасъ танцю съ якимъ то выразомъ дивилася на мене, а отойшовши до своихъ подругъ, якъ то все пѣдчасъ бесѣды на мене споглядала — мѣй Боже! — и все то тѣлько охота приподбатися и ничъ бѣльше! Якужь теперъ бесѣду, якій видѣмае прннати невиннѣсть и правда, сли хоче рѣзнитися отъ простон кокетеріи? — Нѣтъ, она не кокета! — Щожь въ тѣмъ злого, що она ходить съ нимъ по городѣ?“

При тыхъ словахъ отвернулея Людвикъ отъ товариства, и стануль при дверехъ, ведучихъ на городъ.

— „Здаея що не нудитея ей съ нимъ. Нехай буде! не буду имъ перепиняти.

Сказавши тое, розумѣея тѣлько въ гадцѣ, выйшовъ Людвикъ Гогенгаймъ въ городъ и почаль ходити помежи цвѣтами и деревами.

„Щожь она мене властиво обходить? Еще тѣлько того не стае, щобымъ слѣдилъ за нею, якъ завистный мужъ! Нѣтъ, моя панѣ, ходѣтъ съ кимъ хочете, говорѣтъ съ кимъ вамъ любо, мене то мало що обходить!“

Тутъ звернулъ въ бѣкъ, въ тѣнисту алею, и розглядалея шильно въ лѣво и въ право — але розумѣея за цвѣтами.

Коло красного корча рожь затрималея и збравъ полну, прекрасно пахучу рожу.

— „Хороша! занесеу еѣ пани Сарѣ. Найдсея вже така хвиля, що панна Бернекъ буде свѣдкомъ того. По крайній мѣрѣ учуе, що не такъ дорогою ееть она мому сердцю, якъ собѣ може представляе.“ Дѣйшовъ до найотлеглѣйшой стороны города. Идучи узкою стежкою помежи густыми корчами, спостерѣгъ пѣдъ некусно уложеною скалою — самотну Фридолину Бернекъ.

XII.

Ктожь зъ сердца не простилбы ей все, видячи еѣ тутъ сидячу! Оперта о скалу, покрыта дикимъ виноградомъ и цвѣтучимъ повоемъ, выглядала якъ надземске зъявнско, якъ ангель! Тѣлько немилосердный Людвикъ. — ахъ! може власне о немъ гадала — тѣлько онъ безъ всякого чувства — а прецѣнь и слѣду пана Тау не было — постановилъ удати, що еи не видить, и отойти въ бѣкъ.

Отойшовъ и — по хвили стоялъ передъ нею.

Фридолина злякалася; тожь и не удавалъ Людвикъ, извиняючися, що еѣ перестрашить.

— „Тутъ красно! Я такъ задумалася! сказала она.

— Жалую, що я перервалъ пріятнй може думки ваші!

„Такъ, пріятнй! Я гадала...“

— О?

„О моемъ друзѣ.“

— Щастливый вашъ другъ мае всяку причину гнѣваться, що я перервалъ вашѣ гадки.

„По при близкихъ, не треба николи забувати на отдаленыхъ другѣвъ.“

— Чи могу гадати, надѣяться... що такожь до близкихъ належу?

„Якъ долго тѣлько хочете быти близкимъ.“

— Чижь сомнѣвалестеся о моей воли? Кобымъ мѣгъ тое довести...

„Вы нынѣ дивный! По що доводѣвъ, если нема сомнѣннѣя?“

— Нема сомнѣннѣя? То вѣрилибысте, що я тую рожу тѣлько для васъ зѣрвалъ?

„Вѣрю вамъ охотно! а на доказъ того беру еѣ.“

Людвикъ подалъ ей рожу, она дрожала въ его руцѣ. Фридолина вытягнула руку по цвѣтъ и усмѣхаючись подвиглася въ очи своему несмысленному другови. Кто тому былъ виненъ, трудно сказати, досыть, що рожка, оторвавшись упала на землю, а Людвикови въ руцѣ не остала тѣлько кольчата галузка.

Фридолина змѣшалася. Людвикъ пѣднѣялъ цвѣтку.

— „Сумна ворожба! сказала Фридолина.“

— Цѣлкомъ нѣтъ! вы возмѣтъ рожу, а менѣ останутся кѣльцѣй!

— „Приятели должнѣ справедливейше дѣлитися!“

— Чи такъ? схочетежь мене лѣчити, если мя зранѣтъ кѣльцѣй?

Фридолина не отповѣла ничего. Взвѣвшись по пѣдѣ руки вертали назадъ. Дорога, звычайно коротка, теперъ здавалася чимъ разъ долшою. Часто спочивали.

Идучи пѣдѣ тѣнистыми деревами споглядали на себе. Все въ округѣ нихъ здавалося говорити: цвѣты, дерева, птицѣ; тѣлько они обое молчали. Але очи Людвика говорили: Мене уже ранили кѣльцѣй; хочешъ мене вылѣчити? А въ очехъ Фридолины вычиталбысь: Зраднику! не тѣлько рожу далъ еси менѣ, але и кѣльцѣй! Ишли дальше. Хотяй не говорили ничего, однакъ не нудилися. Позирали на себе, и спустили очи: ихъ душѣй уже розумѣлвся. Для нихъ не было неба, не было земли, не знали нѣ будучности, нѣ минувшости. Взвѣвшись за руки, тихо ступали межѣ цвѣтами.

Прийшовши до корча рожевого, зновъ спочивали, Людвикъ хотѣлъ ей сказати: „Тутъ зѣрвалъ я для васъ рожу, тутъ уже мое сердце зѣстало зранене.“ Такожь Фридолина хотѣла сказати Людвикови:

„Ахъ, для чогожь такъ мало цвѣтѣвъ, а кѣльцѣвъ такъ много? И если цвѣтъ зѣвяне и опаде, тогда останутся самѣ кѣльцѣй, а тѣи тревають вѣчно, долше якъ всяка радбѣтъ!“

Еи красна голова сумно похилилася; вѣстхненье уносилося надъ еи устами. Людвикъ хотѣлъ взяти свѣжу рожу, а взялъ — руку Фридолины.

Тряся, якбы пополнилъ наибольшѣй проступокъ. Але легонькѣй устискъ нѣжнои руки былъ му знакомъ прощеннѣя — съ восторгомъ уцѣловалъ тую руку. Здалося имъ теперъ, що рожѣ красше цвѣтуть — не бачили уже кѣльцѣвъ. Надъ ними горѣло небо, озарене лучами заходячого сонця — всѣ дерева, всѣ цвѣты червонѣлись, якбы хотѣли увеличити ту щастливу хвилю.

Поволи вертали назадъ до товариства. Якъ радо хотѣлибы они быти самотными на цѣломъ свѣтѣ. „Фридолино!“ прошепталъ Людвикъ. Она неотповѣдала. Але еи рука сильнейше устиснула его рамя — въ еи ухахъ все еще гомонѣло: Фридолино!

Уже станули передъ дверьми, ведучими до салѣ якъ роздался за ними сильный голосъ: „Пане Гогенгаймъ! листъ зъ Ислянднѣ! листъ зъ Ислянднѣ!“

Людвикъ встрепенулся. Задыханный Амосъ бѣгъ черезъ городъ, держучи въ руцѣ листъ. Людвикъ пѣдѣйшовъ до него. „Тумане, чого такъ кричишь?“

— Алежь дивѣтся, пане, прямо зъ Ислянднѣ, дивѣтся!“

XIII.

Пѣзналъ письмо и печать Отилии. Не мѣгъ прийти листъ въ гѣршу годину. Людвикъ поблѣдъ и скоро отдалился. Фридолина затрималася.

— „Зъ Ислянднѣ?“ спытала она Амоса, споглядаючого зъ удивленнѣемъ за своимъ паномъ.

— „Такъ, паннунцю, просто зъ Ислянднѣ!“

— Мае тамъ вашъ панъ знакомыхъ? — Але то не зъ Ислянднѣ, острова?

— „Въ самѣй рѣчи зъ острова Исляндского.“

— То панъ Гогенгаймъ былъ тамъ?

— „Николи! Але не треба ему о тѣмъ споминати, бо все еще тужить за Ислянднѣю!“

— Не хоче ся менѣ вѣрити тому, то трохи за далеко.

— „Гм, для насъ то тѣлько прогулька былабъ! Мы еще дальше бывалисьмо.“

— Ктожь зъ Ислянднѣ пише до вашего пана, если бнѣ тамъ николи небылъ?

— „Гм, такъ, то правда. Але бачите, мѣй панъ, то великѣй ученый, а въ академнѣ Исляндской такожь славнѣй ученѣй, тай переписуются. Я то уже знаю. Служилъ я у одного профессора, то бнѣ писалъ листы ажъ до Риму и Венецнѣ.“

Амосъ боячись, щобы за много не выговориль, склонился, и пѣшовъ глядѣти своего пана.

Найшовъ го въ найгустѣйшѣй сторонѣ огороду.

— Чекай на мене при брамѣ, Амосъ!“

Амосъ отдалиль ся.

Людвикъ усѣлъ на лавочцѣ огородовѣй, и третѣй уже разъ, читалъ листъ Отилии. Наводимъ тѣлько мѣстця, котрѣй его наибольше порушали.

— „Теодоръ! прости менѣ. Съ нетерпеливостнѣю ожидаю твоего поворота. Я уже не та сама!“

Сонъ нынѣшній змінивъ мене. Ходжу якъ упоена. Не горди мною! Тажъ то не грѣхъ, щомъ ты щиро полюбила. Якъ тебе знаю, то ты добрый, ты о много лучшей отъ мене. Щожъ я тому винна, що ты люблю?! Въ снѣ видѣламы тебе. Ходилъ есь надъ берегомъ північного моря, помежи чорними розвалинами скаль. По небосклонѣ пробѣгало синяво-червоне свѣтло зорі північної, а звѣзды якбы плавали въ тѣмъ морю огненнѣмъ. Я боялася сама. Въ тѣмъ узрѣламы тебе! — Ты взялъ мене за руку. Ахъ Теодоръ! що я чувствовала въ тѣй хвили! Ахъ! не смѣйся зъ мене. Я мечтателька! Я нею уже отъ дитинства — и завсѣгды была я щастливѣйшою въ свѣтѣ моихъ гадокъ и мечтъ якъ въ дѣйствительности. Тамъ найшла я супокѣй, вѣру и любовь, а тутъ тѣлько страданья и споминки мертвои минувшости. Вертай домѣвъ! Хочу тебе видѣти. Чи жъ маю умерти не видѣвши чоловіка, такъ дорогого менѣ, не видѣвши спасителя моеи жизни? Якъ сестра хочу тебе любити — будь менѣ братомъ!

Надѣи мои вянуть, мои бажанья отцвитають, не принесши овочей. Опущена, одна на земли помежи миліонами, тужу за моею щастливою звѣздою. Ахъ, мѣй Теодоръ, я предчуваю, що николи ты не побачу — николи! Кобы хотай о тобѣ гадаючи сердце мое бити перестало. — —

Людвикъ плакалъ — цѣловаль листь.

„Нѣтъ Отилію!“ сказаль ѡнъ: нѣтъ, ты надземске естество, не опушу тебе! Я хочу тебе видѣти — хочу вѣчно при тобѣ быти.“

Пѣшолъ до очѣкуючого его при брамѣ Амоса.

— „Амосъ, злагоды все до дороги и замовь коні почтові. Завтра о четвертѣй годинѣ выѣдемъ.“

— Заутра о четвертѣй годинѣ? спыталь Амосъ съ видомъ непріятного удивленія.

— „А! то былобы красно! сказала совѣтница, войшовша що ино съ мужемъ до огорода. „Нѣтъ, господине Гогенгаймъ, не пѣде то такъ скоро.“

По тыхъ словахъ взяла Людвика за руку, и повела го до салі.

— „Идижь, Амосъ!“ сказаль отходячи Людвикъ.

„Ты не пѣдешъ Амосъ! на мою отвѣчательнѣсть!“ смѣючись закликала Тереза.

„Алежь я мушу ѣхати! Конче мушу ѣхати до Липска!“ сказаль Людвикъ.

— Чи чуль кто таке, сказала Тереза повернувши назадъ до товариства; господинъ Гогенгаймъ хоче насъ уже завтра оставити; замовиль коні до Липска!

Всѣ збѣглися; окружили бѣдного Людвика просячи его, щобы осталь. Тѣлько Фридолина стояла на боцѣ, не смѣючи брати въ тѣмъ удѣлу. Не жаловано нѣ просѣбы, нѣ грозѣбы. Здавалося, що

всѣ убѣгалися о то, чѣй вымовѣ удасться змінити постановленье Людвика. Всѣ на дармо!

— „Всему виненъ той листь зъ Исляндіи, сказала панѣ Саръ, гѣрко усмѣхаючись. — Кто знае, яка мила рука его писала?!

— „Листъ зъ Исляндіи?“ сказала удивлена Тереза: якъ то? коли?

— „Амосъ такъ казалъ!“ отповѣла молода вдова.

Нові просѣбы, нові намовы — однако Людвикъ стоялъ при своемъ. Все, що на немъ вымогли, было то, що прирѣкъ не конче завтра уже отѣхати. Теперъ почали всѣ выгадовати на исляндскіи листы — веселѣсть повернула зновъ.

Дали знати, що вечера уже готова. Всѣ парами вирушили до помешканья — кождый мущина съ своею дамою. Людвикъ одинъ стоялъ сумно при бкнѣ; Фридолина выходила послѣдня, сама. Людвикъ, видячи то, подаль ей руку, неговорячи ничого.

Идучи за прочими, Фридолина отступила отъ Людвика и хусткою закрыла очи. Людвикъ приступилъ до неи.

— „Вы плачете?“ запыталь дрожащимъ голосомъ.

Неотповѣдала. Хотѣлъ взяти еѣ за руку — але она отвернулася и сказала:

— „Прошу васъ, господине Гогенгаймъ, оставьте мене.“

— Чи гнѣвааетеся на мене?

„Совеѣмъ нѣ.“

— Чи вы такожь желаете, щобымы остался?

— Ёдьте! — завтра — нынѣ —

— Вамъ то такъ обѣтнѣ?

— „Нѣ; вы мусите ѣхати. Менѣ то пріятно — дуже пріятно.“ (Прод. слѣд.).

ИЗЪ УСТЪ НАРОДА.

(Казка*)

III.

Бувъ-ту дѣдъ тай баба, — мали кѣрочку чорнѣнку, — знѣсла яйце ѡвлѣнке. Прийшла припус-

*) Казка сеся, пѣсля моеи думки, вельми замѣчательна не задля своего предмету, котрого въ ней властиво нѣтъ, — но задля своей формы. Тото вѣчне и монотонне повторюванье тыхъ самыхъ слѣвъ, — тотъ римами переплетенный и мовѣбы поломанный розказъ, — тота холоднѣсть и сонливѣсть, съ яковъ сеюю казку кажуть (звычайно малымъ дѣтямъ, щобы скорше заснули), все то выдаея на першій поглядъ крайне невластивымъ и неотвѣтнымъ характеру творѣвъ фантазиі малоруского народа. Справедливо замѣтивъ проф. Орестъ Миллеръ и гдѣякіи другіи ученіи, що головною цѣхою розказу малорусина естъ горяча субъективнѣсть. Розказчикъ радъ влѣяти всѣмъ своимъ слушателямъ якъ найживѣйшу симпатію або антипатію до героѣвъ своего розказу, бо и ѡнъ самъ въ такойже мѣрѣ дѣзнае тыхъ чувствъ. У

нячка, зъѣла до кусничка: и дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить.

Приходитъ пацюкъ до дѣда, пытае ёго:

— Ой дѣдоньку, дѣдоньку! Кѣлько я до тебе приходивъ, — ще ты сѣ такъ нѣколи не журивъ!

А дѣдъ ёму на тото:

— Ой пацюченьку, пацюченьку! Бувъ-ту дѣдъ тай баба. Мали курочку чорненьку, — знесла яйце бѣленьке, — пришла припусничка, — зъѣла до кусничка. И дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить.

А пацюкъ повѣдае: Ну, — то я буду рохкотати!

Лягъ онъ пѣдъ плѣтъ, — рохкоче. А плѣтъ до нѣго:

— Ой пацюченьку, пацюченьку! Кѣлько ты пѣдъ мене лягавъ, — ще ты нѣколи такъ не рохкотавъ!

Повѣдае пацюкъ:

— Ой плотоньку, плотоньку! Бувъ-ту дѣдъ тай баба, — мали курочку чорненьку, знесла яйце бѣленьке. Пришла припусничка, зъѣла до кусничка. И дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить, — и я рохкочу.

А плѣтъ каже: Ну, то я буду сѣ хитати.

Хитае сѣ плѣтъ, — ажъ ту сѣдае на нѣго сорока — говорить:

— Ой плотоньку, плотоньку! Оѣколи я на тебе сѣдала; — щемъ тебе нѣколи такимъ нѣ видала!

А плѣтъ ѣдказуе:

— Ой, сороченьку, сороченьку! Бувъ ту дѣдъ тай баба, — мали курочку чорненьку, — знесла яйце бѣленьке. Пришла припусничка, зъѣла до кусничка. И дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить, — и пацюкъ рохкоче и я сѣ хитаю!

А сорока мовить: Ну, то я собѣ ногу зломю! Зломила собѣ ногу. Прилѣтае надъ воду, — вода до неи обзывае сѣ:

— Ой сороченьку, сороченьку! Оѣколи ты мене пила, — ще ты собѣ нѣколи ногу не зломила!

А сорока до неи:

— Ой водоньку, водоньку! Бувъ-ту дѣдъ тай баба. Мали курочку чорненьку, знесла яйце бѣленьке. Пришла припусничка, зъѣла до кусничка. И дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить, — и пацюкъ рохкоче, и плѣтъ сѣ хитае, и я собѣ ногу зломила.

Великоросса же дѣсь совѣмъ противно. Но въ сей сказцѣ того я не бачивъ. Чому се приписати? Щобъ сказка ся не була утворомъ нашего народа, — не можу повѣрити. Менѣ нигде не лучалось читати щось подобного. Чи не есть се случайно лишь оригинальный выплывъ нашего народнѣго гумору, — шутка въ казцѣ изъ самоижъ казки, въ родѣ Гоголевого „Носа“, котрый доперва по написанью цѣлюи тои геніальной (на видѣ) небылицѣ запугуе себе: О чѣмъ я писавъ? Но сѣй казцѣ не потреба було и такой рефлексіи, — диковинне составленье еи предмета само ручитъ за то, що кождый легко збагне, куды ту всё иде.

И. Франко.

А вода каже: Ну, то я сѣ зрѣю червоновъ.

Зробиласѣ вода червоновъ. Ажъ ту приходитъ попова кухарка сѣ коновцями воду брати, дивите сѣ, — вода червона. Уна й пытае:

— Ой водонько, водонько! Оѣколи я тебе брала, — нѣколи ты червоновъ не бувала.

А вода повѣдае:

— Ой кухарочко, кухарочко! Бувъ-ту дѣдъ тай баба. Мали курочку чорненьку, — знесла яйце бѣленьке. Пришла припусничка, зъѣла до кусничка. И дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить, — и пацюкъ рохкоче, и плѣтъ ся хитае, и сорока си ногу зломила, — и я сѣ червоновъ зрѣвила!

А кухарка каже: Ну, то я коновцѣ порозбиваю!

Тай сѣ тымъ телевхъ коновцями до землѣ. Вертае до дому. А тамъ попада варила ѣбѣдъ для попа, — галушки въ кѣтликѣ. Несе она той кѣтликѣ сѣ галушками черезъ хату, — та до кухарки:

— Ой кухарочко, кухарочко! Кѣлько ты на воду ходила, — а ще ты нѣколи коновцѣвъ не розбила!

А кухарка повѣдае:

— Ой попаденьку, попаденьку! Бувъ-ту дѣдъ тай баба. Мали курочку чорненьку, — знесла яйце бѣленьке. Пришла припусничка, зъѣла до кусничка. И дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить, — и пацюкъ рохкоче, и плѣтъ сѣ хитае, и сорока си ногу зломила, и вода сѣ червоновъ зрѣвила, — и я коновцѣ розбила.

А попада каже: Ну, то я кѣтликѣ зъ галушками на середѣ хаты вержу!

Тай бевхъ кѣтликѣмъ на середѣ хаты. Ажъ ту надходитъ пѣпъ, — та до попадѣ:

— Ой попаденьку, попаденьку! Кѣлько ты галушки варила, — ще ты нѣколи кѣтлика не збила!

А попада до нѣго:

— Ой попоньку, попоньку! Бувъ ту дѣдъ тай баба. Мали курочку чорненьку, знесла яйце бѣленьке. Пришла припусничка, зъѣла до кусничка. И дѣдъ сѣ журить, и баба сѣ журить, — и пацюкъ рохкоче, — и плѣтъ сѣ хитае, — и сорока си ногу зломила, и вода сѣ червоновъ зрѣвила, и наша кухарка коновцѣ розбила, — и я горнець зъ галушками вергла на середѣ хаты!

А пѣпъ тогдый: Но, — то я свою хату запалю!

Хопивъ головеньку, — выбѣгъ, — тай запаливъ хату.

(Записавъ въ Нагуевичахъ, Самѣ окр. отъ Василя Яцуляка, *Иванъ Франко.*)

IV.

ЛАДКАНКИ,*)

изъ села Лолина коло Велдѣжа

списавъ

И. Франко, 1876.

Въ Суб. вечерѣ, якѣ идутъ у поручники:

Червона ружечка, синій цвѣтъ —
Чому тебе Юрунечку давно нѣтъ?
Ци я тобѣ сорочечку не шила?
Ци я тобѣ вечеречку не зварила?
Ци я тобѣ вѣнчокъ не звила,
Ци я тобѣ постѣлочку не встелила,
Ци я тобѣ молоденька не мила?

Надѣйшли купці зъ Нѣмецъ
До Анницѣ по вѣнецъ,
По вѣнецъ, по перстенецъ
По шиту сорочечку.
А де вна ся шила?
У Львѣвки, у жидѣвки
У хорошой дѣвки.

Прийшли по сорочечку
По тоненьку тай по бѣленьку
Ой дежь уна прана?
У Львовѣ тай у дворѣ.
Ой дежь уна качяна?
Въ церковци на престолѣ.
Ой дежь уна вѣрана?
Въ молодой й а въ коморѣ.

Ой віросла сосна,
Будемъ робити кроена.
Та будемо мы ткати
Сороченьку тоненьку тай бѣленьку.
Ой бо збончъ лѣсковый,
А човнокъ яворовый;
Ой човнокъ яворовый
А флудецъ лѣсковый.
Нема кому цѣвки сукати,
Треба Ивана загнати.
А мы будемо ткати,
Будемъ полотенце бѣлити
Коло ставочку, коло глубокого,
Тай будемо мы шити
Сороченьку тоненьку тай бѣленьку, —
Тай будемъ виравляти
Иваночка зъ Анвуненьковъ до слубоньку.

(Прод. слѣд.)

*) Ладканки — пѣсни весѣльній. У насъ кажуть: спѣвати весѣльною. Слово Ладканка походить отъ Ладо — славянскаго бога красоты, любви и весѣлья. У нашихъ предковъ бувъ Ладо, богъ мужескаго рода и Лада — богиня гармоніи въ свѣтъ, красоты, любви и весѣлья. Обширнѣйше о томъ обрядѣ и о текстѣ „ладканокъ“, що напечатаня, скажемо при концѣ.

Отповѣдь на „второе письмо“
г. Украинця.

(Кон.) Недоумѣніе то може произойти именно и особенно отъ того, що говорячи только о двухъ партіяхъ литературныхъ, великорусскѣй и украинскѣй, радите першѣй приняти идеи другой (украинцину) А тое не только что есть просто невозможнымъ середь нынѣшнихъ обстоятельствъ, где то обѣ партіи все еще такъ строго отрубно и непріязно стоять напротивъ себе и мало мыслятъ о порозумѣнью, хотя на грунтѣ народнаго образования фактично сходятся, но таки психологично неправдоподобнымъ. Звѣстно бо, якъ то трудно, щобъ въ спорѣ двухъ личностей одинъ противникъ вполне призналъ правду другому; вымагается до того надзвычайной правдолюбивости, холодности и свѣтлости ума — свойствъ такъ рѣдкихъ, котрыхъ бы хибань можна було найти только межи истинно учеными.

О многожь труднѣйше порозумѣтисъ партіямъ, о совершенномъ принатию идей одно и партіи черезъ другую и не говорити; бо где иде только о порозумѣнїи, часомъ одно злобне слово блягера - крикуна зничить мозольный труды и наилучшіи намѣренія сто другихъ людей доброй воли, — прощѣ тѣ послѣдніи повинни всегда въ такихъ разѣхъ поступати дуже оглядно, та злишними словами не робити бѣльшого розьяреня.

Правда, Вы, г. Драгомановъ, совѣтующи намъ украинцину, не думалисте о идеяхъ нашихъ украинцевъ, а подали свои погляды, котрі назвализе „украинциною“, но саме то имя може много перепинити и зашкодити. Извѣстно, що украинцину ненавидятъ многіи зъ общерусскѣй чи старои партіи только длятого, що она называется украинциною т. е. ненавидятъ вже саме имя, невходячи въ то, що то она есть, чи Вашои дефиници, чи чїеи другой. „Украинець, украинскій языкъ, украинчина“ въ очахъ гдекотрыхъ безглуздныхъ загорѣльцевъ, то така страшна, ихъ существу противна рѣчь, якъ страшна зъ другой стороны есть для гдекотрыхъ противоположныхъ безглуздинокъ — великорущина, велико — чи общерусскѣй языкъ.

А такъ якъ Ваша „украинчина“ есть въ сущности только то, що проповѣдуе „передовое меньшинство, которое вотъ уже съ сотню лѣтъ работаетъ во всей Европѣ для освобожденія ума и воли народа отъ средневѣковаго рабства“, то думаемъ, що о много отвѣтнѣйше булобы, елибы Вы, г. Др-въ, поставились були абстрактно на пѣдесталѣ того передоваго европейскаго меньшинства, та, не тыкаючи вже бѣднои украины, всказали: „вотъ братья, Галичане, вамъ бы нужно то а то, по тѣмъ а тѣмъ причинамъ, въ такій а такій способъ“.

А выходячи и поступаючи консеквентно зъ становиска того передоваго европейскаго меньшинства, Вы николи не попалибы въ неконсеквенци и николи не були бы съ такимъ цинизмомъ и иронїею кинулись на нашу „іерейско чиновническую публику“, на „псевдомитингъ“ Общества им. Качковскаго а почастіи и на „приниженіе галицкихъ литературныхъ органовъ до готовои уже публики“.

Що до первой, т. е. „іерейско-чиновнической рутенской публики“, подсувае намъ, що мы, що веъ галицкіи литературни журналы, идентификуемъ ю съ народомъ; мало того, що сама та публика таки идентификуе себе съ народомъ, „воображаетъ себя настоящимъ народомъ“.

Интересно однакъ знати, що Вы понимаете черезъ слово „народъ“? Изъ Вашихъ словъ можна только съ всею вѣроятностью заключити, що „народъ“ то селяне, земледѣльци, — значить „народъ“ берете въ значенію найтѣнѣйшомъ: яко то само що „наинизшій, непросвѣщенный классъ

общества“, або „простый народъ“. Того послѣднѣго имени однакъ намъ заказуєте употребляти; и въ письмахъ до насъ не употребляете. Дячего? то понятно, бо вказуючи намъ на передовое европейское меньшинство, хочете насъ научити, що селянина не повинно зневажатися ніякимъ словомъ, навѣтъ такимъ нѣ, якъ „простолюднѣ, простонароднѣ“, бо выглядало бы то на шляхоцке погордливе задивлюванься (см. первое „письмо украинця“ Другъ зъ 1875. ст. 267 стихъ 15 зъ долу).

Въ другихъ своихъ статьяхъ же, по другихъ журналахъ, того слова „простонародный“ употребляете самі безъ лику; зъ устъ Вашихъ, чи зъ пѣдъ пера Вашего, тамъ вже не выглядае то „троха по шляхоцки“!! (см. въ „Правѣ“ зъ 1874 статью „Литературы...“ и. пр. ст. 158 и 159 и др., где дуже часто повторяется „простонародна литература“ и т. п.)

Нехай буде по Вашому, нехай слово „народъ“ означае „простый народъ“ (plebs). Отъ теперь хочемъ, говорячи до Васъ, держатися Вашей номенклатуры; впрочемъ меньше о назву („якъ звавъ такъ звавъ, кобы що давъ“ каже пословица). Додаемъ же заразомъ, що на латинское понятие нато треба буде намъ вынайти иной выразъ, — а пока что, вмѣсто нація будемъ говорити „весь народъ“ т. е. всѣ классы образованіи и необразованіи, и попы и чиновники и шевці и земледѣльці.

И такъ робите намъ той, по вашему, мнѣнію дуже тяжкій упрекъ, що мы „заговоривъ о народѣ сейчасъ сходимъ на іерейско-чиновническую публику, которая намъ и представляется настоящимъ галицкимъ народомъ,... которая есть рутенская а выработанная печальной исторіей“. И въ томъ самѣмъ упрекаете іереевъ на Собранію Общества им. Качковскаго.

Хотя мы и іерей на Сборѣ томъ розличаемъ „народъ“ (Вашою дѣфиниціи) отъ священникѣвъ и чиновникѣвъ, однакъ нехай буде по Вашому. Припустѣмъ, що мы и іерей и взагалѣ литературні журналы наши не розличаемъ ихъ. То слѣдовалобы зъ того только то, що мы всѣ чуемъ себе чи „публику“ такъ близкими до „народа“, що просто идентификуемъ ся нимъ.

Вы писали въ першѣмъ письмѣ до насъ: „По моему, лучше не спорити, а заняться спѣльною работою въ безспорномъ направленіи: просвѣщеніемъ народа на его языкѣ и сближеніемъ высшихъ классъ съ народомъ межю ишимъ и за помощью литературы о народѣ и на народномъ языкѣ.“ Еслижъ мы, если сама „публика“ т. е. высшая класса у насъ (бо шляхты не маемъ нѣ дворянъ) себе воображае за „настоящій народъ“ (Вашою дѣфиниціи), пытаемъ, чи то не верхъ совершенства, чи не больше, якъ сближеніе? А Вы таки сердитесь!

Тутъ намъ рѣшительно Васъ не понять! Вы требуете отъ насъ сближенія до народа, мы же воображаемъ себе за то само, що народъ“, признаемъ вполне до народа, — а Вы за то злитесь. Щожъ намъ дѣяти, чтобы Вамъ угодити?

Скажемъ тутъ опять, только чтобы Васъ оправдати и въ своихъ очахъ и передъ тоужъ нашою „публикою“, котра „Друга“ читае а по поводу Вашего письма може и попала въ велике недоумѣніе, — що цѣлый той passus „письма“ походить зъ незнанія галицкихъ отношеній.

Вы хотѣли звѣстну фразу всѣхъ майже журналѣвъ въ Россіи (т. е. именно т. з. прогрессивныхъ), о „сближеніи высшихъ классъ до народа“ заапликовать до Галичины.

Вы воображали себя, що высшій классъ той у насъ дѣйстно щось такъ отрубного, такъ кастового, що годѣ съ нимъ що-нибудь путнѣго дѣяти. Вы идентификували нашихъ священникѣвъ и чиновникѣвъ съ священниками и чиновниками въ Россіи. Тамъ у Васъ, въ Россіи, тіи классы людей

справдѣ може только и состоятъ изъ эксплуататорѣвъ, пѣвакъ „народа“, но не у насъ. Еслибъ у насъ не священники кто бы отъ 1848 г. почавши и подумалъ о народномъ, національномъ, русскѣмъ отрожденіи, кто бы и до нынѣ помыслилъ о движеніи „народа“ зъ темноты? Та и сама „молода“ наша партія, если и не складается въ переважнѣй части зъ священникѣвъ и чиновникѣвъ чи все таки она не походить головно зъ священническихъ семей?

Если прито негуєте добру волю у той „іерейско-чиновничої публики“ а вѣрите въ возможность поступу у насъ, — то совершенно не знаете Галичины. Нехай бы отъ нынѣ только черезъ 10 лѣтъ „публика“ та перестала заниматься народомъ, а только смотрѣла на него, по Вашому, якъ „на дойную корову“, будьте увѣреніи, що по 10 лѣтахъ и слѣду бы не осталось у насъ зъ русскаго народа.

Для того то не достаточно перечитати навѣтъ всѣ вышшовшіи галицкіи книжки и изданія, недостаточно прѣхати до Львова на короткій часъ, та заглянути по дорожѣ въ Черновціи и Перемышль, замало то еще слухати розказѣвъ колькоохъ людей одной партіи, за мало то поѣхати на одинъ и то першій народный сборъ молодого Общества, — чтобы только изъ того судити о дѣятельности, настроеніи и воли (доброй чи злой), цѣлыхъ классъ общества. Вымагаются тутъ глубшихъ, яочныхъ студій. Треба бы було переѣхати Галичину вдоль и поперекъ, придивлятися по селахъ и мѣстахъ дѣятельности священникѣвъ и чиновникѣвъ, бесѣдовати съ ними самими и съ народомъ. А собравши такіи данныи, Вы г. Драгомановъ, — мы въ томъ увѣреніи — пришлибы до заключенія, що напевне 20% (а нехай 15%) зъ тыхъ „передовыхъ“ образованныхъ русскихъ нашихъ людей, — то тихіи труженники народного дѣла, то люди наилучшой воли, правдивіи искренній патриоты, отъ сердца желающіи добра и счастья для народа (Вашою дѣфиниціи).

Найдутся и пустозвонныи люди, найдутся и аристократы съ шляхоцкимъ задивлюваньемъ, найдутся и пѣвки, се правда, — во все таки тамтой (що найменьше) 15%, — становить у насъ подобное меньшинство, якъ и въ прочой Европѣ, котре съ часомъ доведе до значнѣйшого результата, если только не знеохотится подобными оцѣнками своего труда, якъ Вашъ. А если тіи люди и мають свои недостатки, идущіи зъ ихъ образованія, зъ ихъ становиска въ обществѣ, — то все таки они не такіи, чтобы ихъ потуляти безвзглядно и называти исторію, ихъ выработавшую „печальной“, въ такомъ смыслѣ, якъ Вы то сказали. Исторія наша печальна, правда, но не тому, що она у насъ выробила теперѣшнюю передовую публику, а тому, що отреклась народа нашего бояре, шляхта русска, и що еще теперь русскіи, заграничній братья т. е. ваши „передовыи, образованыи, европейскіи, космополитичныи классы“, насъ отрѣкаются и высмѣвають!

Наводимъ тутъ тое послѣднее не ддятого, чтобы мы тужили и оглядались за помощью, — мы дуже добре знаемъ зъ опыта послѣднихъ 10-ти лѣтъ, що вышлобъ то на „спустився дѣдъ на мѣдъ, та лягъ безъ вечери спати“, мы и ограничаемъся теперь на своихъ власныхъ силахъ и хочемъ двигнути народъ власными силами (т. е. силами закондемпнованой Вами публики), — але наводимъ для того, що тіи Вашіи „передовыи классы“ съ своимъ дивизомъ: „про себе дбай а другими не журишь“, для Васъ идеаль, котрого оуществленіе Вы якъ найскорше и у насъ хотѣлибы побачити, — а дивизъ такой, у насъ застосованный, не только що доведе до неуважливенія интересѣвъ другихъ славянскихъ племенъ въ думѣ державной, — противъ чому Вы съ такимъ огорченіемъ и въ Вѣст. Евр. и въ вторѣмъ письмѣ выступаете, но таки дуже легко зле понять, приведе всѣхъ дотеперѣшнихъ навѣтъ патриотѣвъ до „дойной коровы“ относительно народа.

Всего меньше же заслуге на упрек „іерейско-чиновническая публика“ за то, що образование и просвѣщеніе народа основуе на грунтѣ религіиѣ, „на кисло-сладкой морали“. Чоловѣкъ необразованный, а безъ всякой религіи, — то дикарь, що такъ скажемъ, звѣрь хищный, готовый всякого часу кинутись на другого чоловѣка, его убить, обкрасти, — а примѣровъ того ажъ за много дае намъ исторія, живыхъ же примѣровъ и въ самой Россіи певно нетрудно, особенно середѣ нынѣшнихъ соціалистичныхъ направленій.

Есть однакъ еще друга аэвентуальность, котру Вы, г. Д-овъ, готовъ въ свою оборону намъ представити, а то та, що пишучи „іерейско-чиновническая публика представляется Вамъ настоящимъ народомъ“ и въ другомъ мѣсці „гдѣ іерей вообразили себя настоящимъ народомъ“ черезъ слово „народъ“ розумѣлите „народъ весь“ *natio* въ томъ смыслѣ, що мы, що священники уважають „іерейско-чиновническую публику“ *в сѣмъ, а и ѿ*.

Но про-то не будемъ долго и говорити, а коротко попытаемъ Васъ, чи справдѣ можете серіозно припустити, чтобы все новѣйшіе нашій популярный изданія, писаній предцѣвъ въ цѣли элементарного образования для народа, мали служити только для іерейско-чиновничои публики? чи на серію можете твердити, що іереи и чиновники такъ позабывали свои тетрадки, що имъ треба пригадувати все отъ азъ, буки? чи только для іереевъ и чиновниковъ основано общество Качковского (читаете его статути)?

Намъ по крайней мѣрѣ выдается, що припустити ту аэвентуальность, будоубъ больше якъ шуткою.

„Цѣлью литературной работы въ Галичинѣ“ кромѣ іереевъ и чиновниковъ, кажете, суть еще „красавицы, въ которыхъ... и пр.“ Вы великій знатокъ нашихъ женщинъ! Только не изъ дѣйствительности, а изъ „кукольныхъ Серафинъ и Наталь“ та изъ колькохъ словъ отозвы „Друга“, написаной въ цѣли отновленья предплаты, а повтореныхъ въ отповѣди нашій першій. Такъ само, могли бы мы судити о Украинкахъ только изъ повѣстей Нечуя, або другого якого автора! Якій у васъ идеалъ женщины, чи съ стриженымъ волосемъ нигилистка чи эмансипована прогресистка, спорящая съ мужчинами о политичныхъ вопросахъ а настающая про свои дѣти, — меньше съ тымъ. Скажемъ только относительно нашихъ Галичанокъ, що Ваше понятіе о нихъ совсѣмъ хибне и безосновне.

Не меньше дивнымъ выдается намъ Ваше представленье о Собраніи членовъ Общества им. Качковского въ Галичѣ. Истинно намъ непонятно, чогу Вы требуете отъ тогожъ Общества, и якимъ воображаете Вы собѣ митингъ народный? Въ Галичѣ були все классы „всего народа“, були и женщины. Чижъ то во зло берете „народу“, що онъ мѣсця сѣдичи добровольно уступалъ приходящимъ женщинамъ або священникамъ, котрыхъ поважати чейже не забороните народу? чижъ во зло берете женщинамъ, що они не стыдаются разомъ съ „народомъ“ належати до одного общества, разомъ съ народомъ котрый, самъ кажете, докола стоялъ, присутствовать при дебатахъ въ одной сали? чижъ може желаете собѣ, чтобы слабосильный женщины стояли, а „народъ“ возсѣлъ въ центрѣ? Дѣйстно за далеко посуаетесь въ крайность. Будьте бо увѣренъ, що певно нигде, никто не поважае селянина, або „крестьянина“, або „народа“ больше, никто не относится до него съ ббольшою любовью, якъ власне въ обществѣ Качковского интелитентный члены тогожъ общества. Непорядки же, на митингу происходящій отъ го-

рячости и ревности бесѣдниковъ и ревности желающихъ бесѣдовати, слѣдовательно отъ неэнергичного веденія Сбора черезъ председателя производити изъ ветоши литературы, изъ принижения литературныхъ журналовъ до готовой публики — справдѣ, то подвигъ „паче всякого подвига“.

Но и самъ той упрекъ, здѣланный нашимъ журналамъ, еслибы навѣтъ вполнѣ отвѣчалъ правдѣ, чи такой онъ дуже важный, чи наравду становить преступленіе, такъ що мы не хочемъ знати о нуждахъ народа?

Шожъ въ томъ злого, що „Наука“ и „Рада русска“ пише для народа (т. е. готовой публики), „Ластовка“ для дѣтей (тоже готовыхъ), „Сіонъ“ для священниковъ (также готовыхъ), „Газета Школьна“ для учителей (тоже)? шо „Другъ“ переважно посвященъ беллетристу, котрѣ и читается наибольше молодежью? А каждый журналъ про себе старается отповѣсти потребамъ своихъ читателей, принизитись до нихъ.

Правда, Вы выкидаете намъ, що мы за два лѣтъ не помѣстили ни повѣсти изъ народной жизни, ни науковой статьи о нуждѣ народа, не спопуляризовали ніякой „передовой идеи“, не изучали народного языка въ пословицахъ и т. п.

На першій упрекъ можемъ сказать только, що если бы Вы дали намъ власть сотворити писателей и тѣмъ розказувати писати пѣсля заданои темы, то мы певно бы замѣстили повѣсти изъ нашего народного життя; писати же о горѣ, о нуждѣ народа еще больше ереміяда, якъ тѣи, котрѣ вже до теперь въ галицкой литературѣ появились, а не подавати шося реально-полезного, то, право, выходитъ на „кисли сененціи“. Впрочемъ, мы тутъ опять повторяемъ, шо програма „Друга“ головно обіймала беллетристику, прото не могла и до нынѣ не може, по слабости силъ, бути такъ обширною, якъ звылѣд-литературныхъ журналовъ въ Россіи. Про скудность мѣсця старанося въ „Друзѣ“ о короткій, занимательный повѣстки, а если они Вамъ и реальному направлению въ Россіи не по вкусу, то въ томъ не наша вина, годѣ всемъ догодити. Будьте проту ласкави, объявити точнѣйше и спеціальнѣйше Ваше желаніе шо до тыхъ передовыхъ идей, котрѣ то именно Вы думаете отвѣтными до спопуляризованья хотя бы черезъ Общество им. Качковского въ Галичинѣ, якъ и шо до повѣстей самихъ. Вы наводите намъ авторовъ. Та мы о нихъ знаемъ, а якъ скоро шо изъ нихъ возьмемъ, пытаетесь, чогу мы найперше кинулись на „Собаку“ Тургенева, на „Повѣсть безъ надписи“ Лермонтова.

Тутъ мусимъ еще отвѣтити на столько разовъ по-всѣхъ майже газетахъ въ Россіи розтрубленный и въ „першомъ письмѣ“ повтореный упрекъ о переводахъ великорус. повѣстей зъ нѣмецкого. За два лѣтъ минувшихъ змѣнювалася частѣйше редакція: именно люди, входящій въ комитетъ редакційный, также змѣнювалася составъ выдѣла нашего общества, тоже мающаго вліяніе на изданіе „Друга“. Отвѣтно тому и западали розличныи рѣшенія: разъ позволялось переводити на галицкій языкъ изъ великорусского, разъ нѣ; въ томъ послѣднѣмъ случаю треба було повѣсти великорусскій переводити зъ нѣмецкого або переводити нѣмецкій повѣсти, но все таки зъ русской жизни, хотя и „съ дѣтско-польско-нѣмецко-наивными свѣдѣніями о Россіи“. Печатати же въ оригиналѣ великорусскій повѣсти совсѣмъ не позволялось, хотя потягало то за собою велику некорысть для „Друга“, именно ту отмѣнявши языкову, чи правописную, о котрой мы выше згадали. Проломивши съ симъ числомъ ту трудность сподѣмся, шо въ будучности устануть безполезній, бо поверховный, споры о языкъ — а начнется шира праця: на першомъ планѣ около вызысканья своего народного, на другомъ же около зазнакомленья съ великорусскимъ чи литературнымъ языкомъ. Такимъ только чиномъ можемъ вже разъ до того дѣйти, чтобы, незнаючи добре ни одного ни другого, перестати гонитись за блудными огоньками т. е. за якоюсь языковою серединою.

Переписка Редакціи. Бл. Над Помѣтитесь. Просимо о конецъ. — Шутливый корреспондентъ: Чи пишемо некрологъ „Другови Народа?“ *De mortuis nihil, nisi bene*, — а если нема шо доброго сказать, то лѣпше тихо-ша!

Содержанье: На—Потемки, очерки и образки изъ современной жизни; Отравленный дьяконъ, Г. Иванова; Листы зъ Пеляндіи, новеля Чокого; Изъ устъ народа (Казка, Ладканки); Отповѣдь на „второе письмо“ г. Украинца, конецъ.

Властитель и издатель „Академическій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчае Алексей О. Заіювскій.

Изъ типографіи Института Ставропигійского во Львовѣ 1876.

До того числа слѣдуе додатокъ.